

Кем же был М.-Б. Хаджетлаше, или нужда в обмане¹

Так случилось, что 13 ноября 2013 г. последний семинар Отдела сравнительного изучения культур Востока и Запада ИВКА РГГУ, в котором участвовал Володя Романов, пришелся на мой доклад. Он был посвящен тому же персонажу, что и эта статья. Володе не нравилось, как я его трактую. В целом наши немалые научные расхождения были связаны, как мне представляется, с моей склонностью к широкому конструктивизму, в котором Володя видел пустой и отвратительный результат эволюции современного Запада. На том семинаре, однако, его возражения имели иной характер. Я говорила тогда о повествовательном и, более того, собственно литературном (не только *сочиняемом*, *выстраиваемом*, *осмысляемом*, но и *вымышляемом*) измерении автобиографии, что случай Хаджетлаше демонстрировал особенно выпукло. Ведь разные варианты его автобиографии, подававшейся им как действительность (притом почти всегда трагическая), строились на сознательном *обмане* и были сочинены «насквозь» на основе сюжетов современной ему массовой литературы — и тем не менее вызывали доверие окружающих. Пытаясь объяснить это доверие, я задавалась, в частности, вопросом о том, не по-разному ли видят соотношение литературного вымысла и реальности, «литературы и жизни» читатель рубежа XIX–XX вв. (и/или массовый) и читатель сегодняшний (и/или интеллектуальный): ведь у второго заметная литературность повествования обычно вызывает сомнения в реальности описываемых событий (если вопрос о ней вообще стоит). Но не иначе ли у первого? Не ждет ли он от литературы большей буквальной правдивости, чем мы?²

¹ Работа выполнена в ИВКА РГГУ при поддержке ряда грантов Maison des Sciences de l'Homme (Paris), краткосрочного гранта American Council for Learned Societies, стипендии Fulbright для ученых (2008) и стипендии Kone (Helsinki Collegium for Advanced Studies, 2011). Я глубоко признательна Юлии Градскойой, Ларсу Бьёрлину, Сванте Люндбергу за помощь в работе с архивами в Швеции, Е. В. Каплан, Соне Кольпар, Селии де Баррос — за организационную и моральную поддержку во Франции.

² *Бессмертная О. Ю.* Что, кроме политики, или почему в это верят? Изменчивая автобиография одного стойкого российского авантюриста

Володя, всегда и сам подчеркивавший роль литературы в создании действительности, возражал против самого моего обращения к категории «обман». Причин было две, методологическая: «какой же здесь обман, если человек жизнь под это построил?», и этическая: «сначала изучи персонажа, а потом выноси приговор» (я цитирую по памяти)³. Вероятно, Володя увидел в моем обращении к «обману» не столько исследовательский инструмент, сколько моральную оценку моего персонажа-обманщика (обман как *инструмент* нужен мне, чтобы заострить вопрос, с одной стороны, о средствах, *культурных ресурсах*, выбираемых Хаджетлаше для достижения доверия у окружающих, с другой — о причинах *их* доверия к нему, и таким путем выйти за узкие рамки изучения его индивидуальной биографии⁴). Но, действительно, я никогда не скрывала, что Хаджетлаше для меня персонаж отрицательный; мне кажется даже, что, когда подобные моральные суждения отрефлексированы и эксплицитны (а при обращении к отдельному историческому персонажу их вряд ли можно вовсе избежать), они меньше препятствуют аналитичности, стремлению к пониманию ситуации, оценке их воздействия на результат, исследовательской непредвзятости в целом — самой дистанции между исследованием и суждением, какой и хотел Володя⁵.

(1868–1929). Тезисы. URL: <http://east-west.rsuh.ru/article.html?id = 2629910> (дата обращения: 26.11.2014).

³ Утверждение, что обман как таковой не имеет ни исследовательского содержания, ни исторического значения, мне приходилось слышать и от других коллег.

⁴ См. подробнее: *Бессмертная О.* Мусульманский Азеф, или игра в Другого: метаморфозы Магомет-Бека Хаджетлаше. Почти роман // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 2007–2009. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 209–298.

⁵ Вопреки нередкому упрощению, Макс Вебер, чье требование отказа от моральных суждений в общественных науках стало одним из наиболее авторитетных, добивался как раз такой дистанции, а не отсутствия у ученого моральных суждений вообще. Подробнее о возможных способах формирования и выражения морального суждения сквозь призму изучаемого мною случая см.: *Бессмертная О.* Как рассказать биографию негодяя? (Мусульманский Азеф, или ровесник Ленина) // Право на имя: Биографика 20 века. Восьмые чтения памяти В. Иофе. СПб.: НИЦ «Мемориал»; Европейский университет в СПб., 2011. С. 75–89.

С возражениями Володи я не согласилась. Не согласилась и после того, как спустя девять дней после этой полемики нам сообщили о его смерти — дикой в своей *не-неизбежности* и преждевременности. Но размышления, вызванные его соображениями (всегда интеллектуально мощными и жесткими), смешиваясь с чувством утраты и невозможности ее принять, меня не оставляли. Предлагаемая здесь статья написана под этим впечатлением и, во многом, в ответ на возникшие в той полемике вопросы. Главный из них, хотя и не новый, — это *тонкость грани*, разделяющей самозванство (основанное на обмане) и «обычное», «нормальное» конструирование себя, своего «я»⁶. Я постараюсь показать, что мы ничего не поймем в стратегиях человека, именовавшего себя Магомет-Беком Хаджетлаше, не придавая значения тому, что он *знал*, что говорит о себе (и о своем происхождении в частности) не то, что было на самом деле, что знание это было для него, так сказать, «стержневым», «структурообразующим», иными словами, что стратегии его основаны на *обмане*. Это не противоречит тому, однако, что речь пойдет об одном из случаев конструирования идентичности — такой, которая стала *реальностью* (и потому я предпочитаю называть его тем именем, под которым он умер, а не тем, какое ему дали при рождении). «Нужда в обмане» понимается здесь, тем самым, двояко: с одной стороны, это отмеченная выше нужда исследователя в том инструменте, который предоставляют ему исторические случаи обмана; с другой — какими-то обстоятельствами обусловленная потребность самого персонажа в таком средстве создания своего «я». Об этом втором и пойдет далее речь.

* * *

Магомет-Бека Исламовича снова рвут на части. На этот раз — в интернете. Казалось бы, М.-Б. И. Хаджетлаше-Скагуаше (20.05.1868 (?), Тифлис (?) — 04.11.1929, Стокгольм) — почти забытая фигура. Но нет. Еще лет пять назад *Гугл* на запрос «хаджетлаше» давал десятка два ответов, во многом повторявшихся, а нынче насчитал около 1750. И дело, видимо, не только в том, что интернет стал богаче, а поиск в нем — эффективнее и/или шире. Похоже, наш герой все более превращается в до-

⁶ См., в частности: *Fitzpatrick Sh. Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia*. Princeton: Princeton UP, 2005.

вольно значимую «единицу» исторической памяти — или, точнее, это волна исторической памяти, все возрастающая актуальность прошлого в самосознании наших современников подхватывает «пылинки» истории⁷ с тем, чтобы превратить в *свидетельство*. А значит — и в точку преткновения мнений.

В дебатах вокруг Хаджетлаше два самых острых вопроса. Один из них — значение «шведского дела». Речь идет о «Военной организованной группе возрождения Российского государства»⁸ (ее широко встречающееся, но не вполне верное название «Военная организация для восстановления империи» восходит к брошюрам полпреда большевиков в Стокгольме, В. В. Воровского; он использовал и другое именование, «Лига убийц», заимствовав его из тогдашних газет; шведские газеты называли эту организацию также «Русская лига»⁹). Ее лидером и был М.-Б. Хаджетлаше, и вся она, с ним во главе, была арестована летом 1919 г. в Стокгольме по обвинению в трех жестоких убийствах с целью ограбления. Хаджетлаше, однако, утверждал, что убийства эти отвечали главной миссии «Группы» — борьбе с большевизмом, а убитые — агенты большевиков. И сегодня конфликтующие стороны в интернете (отправляясь — зачастую, но не всегда — от романа А. Н. Толстого «Эмигранты», где Хаджетлаше выступает в роли главного злодея) в сочных выражениях спорят по поводу того, на кого Хаджетлаше «работал» и кем он был нанят, — иными словами, кого именно он *дискредитирует* своей принадлежностью к ним. Подчеркивая его *неприглядность*, сегодняшние сторонники красных используют этот случай как пример цинизма и жестокости белого тер-

⁷ Я имею в виду известную метафору Ф. Броделя, назвавшего «пылью истории» исторические события, противопоставленные глубинным историческим структурам.

⁸ Таково ее самоназвание, отраженное в ее бумагах. См.: *Riksarkivet. Statens Polisbyrå*, 1919, F 1A:15, D. 503.

⁹ *Воровский В. В. Жертвы стокгольмских бандитов; Он же. В мире мерзости запустения // Воровский В. В. Сочинения. Т. 3. М.-Л., 1933. С. 388–419. «В мире мерзости запустения» впервые вышла отдельным изданием по следам шведских событий в 1919 г. О реакциях на деятельность Хаджетлаше и его «Лиги» в Швеции см.: *Lundberg S. Ryssligan: Flyktingarna från öst och morden i Bollstanäs 1919. Lund: Nordic Academic Press, 2004.**

рора и вообще всех белых приспешников¹⁰. И притом воспроизводят один в один логику рассуждений Воровского (да и сведения, им приведенные), по свежим следам ярко рисовавшего на этом примере вырождение белогвардейской эмиграции — особенно ярко потому, конечно, что некоторые газеты тогда предполагали, что на самом деле Хаджетлаше был большевистским агентом. Странники белых или, шире, носители национальной русской гордости в целом, видимо, не слишком полагаясь на реальность большевистских связей Хаджетлаше, говорят зато о «сумасшедших черкесах» и английской разведке, враждебной России, которой Хаджетлаше как будто служил¹¹. Есть, правда, и иной поворот: тут Хаджетлаше все-таки выступает на стороне большевиков с изощренной провокацией против белых (ее предполагаемая цель — как раз в том, что и происходит теперь у сторонников красных: дискредитировать белых; а тогда, как считается, нужно было путем такой дискредитации белогвардейской эмиграции добиться ослабления ее позиций в Швеции). Приверженцы этой точки зрения и сами склоняются в большевистскую сторону, а неприглядность они усматривают уже не в поведении Хаджетлаше, но в инсинуациях в его адрес; его же собственная деятельность предстает теперь героической.

Этот последний поворот, однако, затрагивает «шведское дело» не ради него самого, а лишь как продолжение обсуждений, связанных с другим острием интернет-дебатов. В этом, втором их русле заострена этническая, лучше даже сказать, национальная принадлежность Хаджетлаше: в нем видят прежде всего представителя народов Северного Кавказа, адыга, действующее лицо национальной истории, чему и подчиняется интерес к этой фигуре (и обсуждение ведется преимущественно на кавказских исторических сайтах). Это же заставляет людей,

¹⁰ *Yadocent* [Савельев И.] Террор белый и черный (1919 год). URL: <http://yadocent.livejournal.com/45794.html>; *Он же*. Еще о Хаджетлаше. URL: <http://yadocent.livejournal.com/447829.html>; *Voencomuezd*. Характерная судьба белого офицера Парфёненко из «Лиги убийц». URL: <http://voencomuezd.livejournal.com/68433.html>; *Он же*. Семь финских интернационалистов. URL: <http://voencomuezd.livejournal.com/393533.html> (все ссылки проверены 25.01.2014).

¹¹ IXL_RU. Дело Хаджетлаше. URL: <http://ixl-ru.livejournal.com/196276.html#t974772> (дата обращения: 24.11.2014).

защищающих национальное чувство, желать видеть в Хаджетлаше героя и усматривать посягательство на славное прошлое всего Кавказа во всяком сомнении в чистоте его помыслов, слов и биографии. Однако за этим скрыто порой сомнение как раз в исходном постулате, в характере этнического происхождения Хаджетлаше (гипотеза о том, что он родился евреем), но этот вопрос тут чаще всего остается неназванным, молчаливо отвергается, попросту отбрасывается (среди спорщиков есть те, кто наверняка об этой гипотезе слышал). Обычно здесь ценят в Хаджетлаше писателя, журналиста, общественного деятеля, просветителя — и романтизируют его авантюризм, а за ним и все подряд: революционность, служение царскому, а затем советскому государству (такая *привлекательность*, по контрасту с его неприглядностью в обсуждениях «шведского дела», мешает согласиться отдать этого героя какому-то другому народу)¹². Оппоненты, с таким взглядом не согласные, либо оспаривают авантюризм и видят в Хаджетлаше «правоверного (мусульманского) монархиста», категорически отрицающую какую-либо двойственность этой фигуры (включая и подозрения в связях с большевиками)¹³, либо, реже, авантюризм подчеркивают и видят в нем бульварного писателя и вора¹⁴. Последнее возвращает нас от национальной истории Кавказа к революционной исто-

¹² См., например: Официальный сайт Государственной национальной библиотеки КБР им. Т.К. Мальбахова. URL: http://xn--90aee3anv.xn--plai/?page_id=625 (дата обращения: 25.01.2014); часто перепечатываемое интервью с Р. Х. Хашхожевой: URL: <http://www.litrossia.ru/2009/29/04376.html> (дата обращения: 25.01.2014); ср. обсуждение на форуме: <http://1914.borda.ru/?1-12-200-00000758-000-0-0-1304092783> (дата обращения: 24.11.2014); и мн. др.

¹³ *Вачагаев М.* Мохамед-Бек Исламович Хаджетлаше—Схагуаше: между Парижем и Стокгольмом. URL: <http://graun.livejournal.com/16991.html> (дата обращения: 24.11.2014). Эта широко цитируемая статья ранее появилась в «Историко-культурном журнале „Prometheus“» (№4 . 10 февраля 2010) на сайте www.chechen.org, откуда она теперь удалена, как и на некоторых других сайтах (в частности, на gazavat.ru, где присутствовала одновременно с ней и противоположенная по смыслу публикация Т. Музаева, цитируемая ниже).

¹⁴ *Музаев Т.* Чеченское золото в Париже. URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=17&art=211> (дата обращения: 25.01.2014; это пересказ эпизода из «Эмигрантов» А. Толстого с добавлениями из исследований современных историков).

рии России и ее «изнанке», к роману А. Толстого и т. д., оставаясь не слишком характерным для «кавказского русла» дебатов. И то, и другое обсуждения, по сути, продолжают споры (и подходы), начавшиеся еще в советской и продолжившиеся в ранней постсоветской академической историографии; их я коснусь ниже.

Этими двумя руслами (а внутри них — названными взглядами) упоминания Хаджетлаше в сети не исчерпываются. Русло «конспирологическое» расширяется иными трактовками «шведского дела»: в нем усматривают, например, охоту за «царскими коронными драгоценностями», сокровищами «бриллиантовой комнаты», будто бы перевезенными Николаем II в Кремль и вывезенными большевиками в Швецию. Тут Хаджетлаше — не только авантюрист, бульварный писатель и бандит, но и бывший агент турецкой тайной полиции (его отождествляют с антигероем его собственной повести «Убийца на троне», Пг., 1918)¹⁵.

Наоборот, Российскому Императорскому Дому в изгнании Хаджетлаше понадобился как пример добросердечного отношения императорской семьи к согражданам разных национальностей и вероисповеданий. В ноябре 2013 г. Глава Российского Императорского Дома Великая Княгиня Мария Владимировна в рамках празднования 400-летия преодоления Смуты и всенародного призвания на престол династии Романовых нанесла визит на родину, посетила, в частности, Поволжье (Чебоксары, Казань, Самару) и встретила с мусульманскими духовными лицами; среди прочего она передала Муфтию Москвы, Центрального региона и Чувашии А. Крганову «копию письма поручения ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Великой Княгини Виктории Федоровны на имя Г-на Магометь-Бекъ-Хаджетлаше от 13 Августа 1909 г. о ее согласии быть покровительницей новорожденной его дочери Мирать-Ханум»¹⁶ (харак-

¹⁵ Михаил Демин. Тайны сибирских алмазов. URL: http://bookz.ru/authors/mihail-demin/taini-si_727/page-16-taini-si_727.html (дата обращения: 24.11.2014).

¹⁶ Мусульмане оказали Великой русской княгине ханский прием. URL: <http://islamtv.ru/news-2570.html> (дата обращения: 24.11.2014). Об этом письме см.: Бессмертная О. Мусульманский Азеф. С. 249, 209–213. Согласно полной формулировке, Виктория Федоровна соглашается быть «высокой покровительницей (как бы крестной матерью)» новорожденной дочери Хаджетлаше (курсив мой. — О. Б.). Это письмо, обнаруженное мною в частном архиве Хаджетлаше (копию которо-

терна более осторожная формулировка на казанском сайте: при встрече с муфтием Татарстана Камилем Самигуллиным «она показала письмо, где великая княгиня Виктория Феодоровна (так. — О. Б.) выступала покровительницей новорожденных детей своих подданных мусульманского вероисповедания того времени»¹⁷).

Есть, наконец, и обсуждения, где Хаджетлаше дает повод задуматься о самом устройстве авантюризма (русского и еврейского авантюризма в частности), есть поиски типологического «ряда», в который он более всего вписывается, предположения о его мотивировках¹⁸. Есть, наоборот, и совсем наивные любования им как интересной (привлекательной ли, отталкивающей ли) личностью.

Однако я не случайно подчеркнула первые два русла обсуждений. Именно здесь обращение к Хаджетлаше непосредственно подчинено *большим вопросам* коллективной памяти (точнее — памяти) в России: вопросу о большевистском (в конечном счете — сталинистском) выборе и его альтернативах и вопросу отношений государства и этнических и/или конфессиональных «меньшинств», иными словами, проблемам колониализма и национализма в имперской истории России. Как раз в силу болезненности этих вопросов риторика именно этих обсуждений столь эмоциональна, радикальна, а их аргументация столь укоренена в отвержении всего иного, другого (не буду говорить о ее доказательной слабости¹⁹).

го я и направила директору Канцелярии Е.И.В. А. Н. Закатову, сопровождая ее моими вопросами), хранится ныне, как и весь архив, в Библиотеке современной документации и информации (BDIC) под Парижем.

¹⁷ *Муфтий Татарстана встретился с княгиней Марией Владимировной*. URL: <http://dumrt.ru/node/10603> (дата обращения: 10.12.2013).

¹⁸ *Евреи-авантюристы-литераторы-национальные деятели-деперсонификаторы эпохи Гражданской войны и около*. URL: <http://mitrius.livejournal.com/951907.html#comments> (дата обращения: 10.12.2013); Без темы. URL: <http://hachik.livejournal.com/458559.html> (дата обращения: 20.11.2013); *Алексей Толстой*. URL: <http://dr-klm.livejournal.com/60327.html> (дата обращения: 20.11.2013).

¹⁹ Это увело бы нас далеко, поскольку связано не только с особенностями конкретных авторов, но и со спецификой «интернет-дискурса» в целом (где профессиональные публикации обычно подчиняются общему потоку, определенному иными, отнюдь не академическими ожида-

Я обращаюсь здесь преимущественно ко второму кругу вопросов. Общим кадром рассмотрения станут представления о месте и облике мусульманских и этнических «меньшинств» (главным образом кавказцев и татар)²⁰ в поздней Российской империи, выстраиваемые, с одной стороны, *интеллигенцией*²¹ этих «меньшинств», с другой — имперскими властями: сюда в этот раз заставляет направить взгляд случай Хаджетлаше, высвечивая ситуацию, разумеется, в собственном ракурсе. «Шведского дела» я только коснусь (как станет ясно в дальнейшем, и оно имело отношение к «восточной» принадлежности Хаджетлаше). Как и следует ожидать, мое рассмотрение задумано в контрапункте к описанным выше дискуссиям. Я не претендую, однако, на то, чтобы противопоставить им, следуя принципу Ранке, рассказ о том, «как это было на самом деле»²²: за последнюю треть XX века историки, хотелось бы верить, вполне осознали безнадежность таких претензий. Но я надеюсь выстроить максимально рациональную, помещенную в исторический контекст и, по возможности, непредвзятую (хотя и не безоценочную) картину, основанную на широком круге первичных источников — притом разного авторства и происхождения, что поможет читать любой из них критически.

В подходе, который я предложу, есть и другое отличие, еще более важное. В большом числе цитированных обсуждений, и не только в них, Хаджетлаше видится как *представитель* (можно воспользоваться и старым клише «типичный предста-

ниями аудитории), как и с зыбкостью границ между профессиональной и публичной историческими дискуссиями вообще. Отмечу, однако, что почти все цитированные обсуждения основаны на источниках второго порядка — чьих-то публикациях, чьих-то интерпретациях.

²⁰ Слово «меньшинства» используется здесь в кавычках, поскольку подразумевает не количественные, а властные соотношения, т. е. подчиненное, в целом, положение соответствующих сообществ в Российской империи.

²¹ Говоря об этноконфессиональной *интеллигенции*, я имею в виду тех, кто, помимо традиционного, получил образование европейского образца в русских и/или европейских учебных заведениях, и близких им людей.

²² Такова общепринятая и устоявшаяся трактовка и перевод требования Л. фон Ранке; есть и другие, усложняющие его мысль: «как это было в действительности», «как это в сущности было» (ориг.: «wie es eigentlich gewesen»).

витель») той или иной группы людей, общности, класса: то «белых», то «красных», то адыгов, то евреев. Он, собственно, часто и нужен авторам, как мы могли заметить, для характеристики такой группы (и обратно: воображаемые черты соответствующей группы переносятся на него). При этом по меньшей мере утрачивается его индивидуальная специфика (она «выпрямляется», и как раз ради оценки: он становится попросту либо хорош, либо плох). Да и случайное здесь чересчур легко превращается в типическое. Хотелось бы отказаться от такого взгляда и увидеть эту индивидуальную специфику — конечно, в историческом контексте, но не превращая нашего героя в прямой «продукт» групповой принадлежности, вообще избегая причислять его к какому-либо априорному «типу»²³. Но как тогда говорить об историческом контексте? Ведь при таком взгляде возникает опасность противоположного характера: замкнуться в границах этой индивидуальной специфики, не увидеть в случае Хаджетлаше ничего, кроме него самого²⁴. Нащупывая путь между Сциллой «образца» и Харибдой «анекдота», я попытаюсь рассмотреть этот конкретный случай так, чтобы, с одной стороны, заметить сквозь него некоторые значимые для затрагиваемого круга вопросов тенденции, а с другой — не разрушить его уникальности; иными словами, рассмотреть его как *казус*²⁵.

²³ Хаджетлаше заслуживает специального, *индивидуального* внимания уже в силу той неоднозначности трактовок этой фигуры, которая была описана выше. Помимо этого, мне представляется, что *любой* человек может быть интересен историку культуры, все зависит от ракурса взгляда, выбранного исследователем.

²⁴ За этой постановкой вопроса — один из давно осознанных «больших вопросов» гуманитарных дисциплин, проблема исторического обобщения. См., например: *Копосов Н.* О невозможности микроистории / *Копосов Н.* Хватит убивать кошек. Критика социальных наук. М.: НАО, 2005. С. 142–157; *Ревель Ж.* Возвращение к событию: пути историописания // *Номо Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. А. Бессмертного.* В 2х книгах. М.: Наука, 2003. Т. 1. С. 238–254.

²⁵ Как термин историко-культурных исследований понятие «казус» введено у нас в 1996 г. (см.: *Казус: индивидуальное и уникальное в истории.* 1996. М.: Изд. центр РГГУ, 1997). Я бы решила определить его как термин, указывающий на определенную исследовательскую перспективу при рассмотрении отдельного случая — *казуса*: его видят как уникальное средоточие тенденций из самых разных сфер и уровней общественной жизни. Сходный подход обращается к *крайним* (extreme) или исключительным случаям, видя в них заострение, а потому

В предлагаемой статье, однако, *двуплановость* казусного подхода (его нацеленность на совмещение ракурсов «микро» и «макро») будет, на протяжении большей части повествования, затушевана загадкой индивидуальной биографии героя. Мне уже приходилось, не раз и в разных аспектах, писать о Хаджетлаше, причем обычно сквозь призму отдельных ситуаций, складывавшихся вокруг него и определявших ту или иную общую проблему²⁶. Многочисленные дискуссии, включая цитированные выше, и новые материалы, которые мне удалось найти, побуждают свести все воедино и дополнительно аргументировать получившуюся фактографическую картину. Более того, в ответ на пожелания многих, я решусь сделать то, от чего обычно отказывалась: «выпрямить» рассказ, в большой части подчинив его хронологии событий. Но это, в свою очередь, поведет дальше. Ведь вопрос, вынесенный в заглавие статьи, не сводится к тому, был ли Хаджетлаше евреем или адыгом, православным или мусульманином, красным или белым. Ответ на него требует попытки понять, как формировалось самосознание этого человека на скрещении очень разных культурных контекстов и проблемных плоскостей в модернизирующейся поздней Российской империи, и как поступать исследователю с категорией «обман» при описании его жизненной стратегии. Этот ответ требует, тем самым, увидеть и парадоксальность самой формулировки вопроса «Кем

и более выпуклое проявление некоторых моделей, релевантных для обычных практик. Ср.: *Davis N. Z. Trickster Travels: A Sixteenth-Century Muslim between Worlds*. N.Y.: Hill & Wang, 2006. P. 11.

²⁶ *Бессмертная О.* Мусульманский Азеф; *Она же.* Как рассказать биографию негодяя?; *Она же.* Ахметуковедение: создание национального писателя в адыгейском литературоведении // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М.: ИА РАН, 2011. С. 268–274, 367–370; *Она же.* Культурный билингвизм? Игра смыслов в одной скандальной статье (Из истории отношений мусульманских оппозиционеров и русских «государственников» в поздней имперской России) // Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 197–383; *Она же.* Русская культура в свете мусульманства: текст и поступок // Христиане и мусульмане: проблемы диалога. М.: Изд-во ББИ, 2000. С. 469–530. *Bessmertnaya O.* Un agent-provocateur musulman, ou un Orientaliste de plus: «jouer à l'autre» dans les miroirs impéριο-orientalistes / Anna Pondopoulo (éd.). Les Orient dans la culture russe // *Slavica Occitania*. 2012. № 35. P. 83–126.

был?», поскольку она задает статичность, предполагает отсутствие (или несущественность) изменчивости в том, что постоянно (пере)изобретается. Общая перспектива будет на этот раз выстраиваться через особенно узкий объектив, нацеленный на собственный путь Хаджетлаше (в отличие от ранее предложенных мною ракурсов, где его окружение принимало больше участия), — сквозь ту перманентную перестройку, на которой этот путь зиждется. Но выстраиваться она будет.

* * *

Наш герой впервые появляется на публичной сцене в середине 1890-х гг. под именем Юрий Кази-Бек, к чему он вскоре прибавит еще одну часть — Ахметуков (а в официальных бумагах он называл себя в тот период Юрий Семенов Кази-Бек-Ахметуков Ахмет-Бей-Булатов²⁷; мы позднее поймем, почему). Этот черкесский русскоязычный писатель выступил с рассказами на восточные и кавказские темы в иллюстрированных еженедельниках²⁸, опубликовал несколько книг²⁹ и был корреспондентом нескольких газет разного толка, писавшим в основном из Константинополя. Он и сегодня известен в кругах эрудитов как писатель, пользовавшийся определенным успехом до тех пор, пока не промелькнула весть, что он будто бы еврей (это эрудит-

²⁷ РГИА. Ф. 776. О. 8. Д. 1146. Л. 1.

²⁸ «Нива», «Звезда», «Природа и люди», «Вокруг света», «Живописное обозрение», «Домашняя библиотека» и т. п. — всюду в основном в 1894–1897 гг. Его рассказы появлялись и в газетах, особенно из южных провинций, например, в «Казбеке» (Владикавказ), «Тифлисском листке» и др.

²⁹ Черкесские рассказы. Т. 1. М., 1896; Всего понемногу. М., 1897; Современная Турция. СПб., 1897; Черты из жизни его величества Султана Хамида II. СПб., 1897; Повести сердца. Одесса, 1901; Тяжелый долг: Драма в 5 действиях из Черкесской жизни. Бобруйск, 1901; Мечь: Кавказско-горская легенда. Владикавказ, 1902; В часы досуга. Владикавказ, 1902. М.-Б. Хаджетлаше тоже опубликовал ряд книг (большинство — под «шапкой» «Библиотека журнала „Мусульманин“ в Париже»): Современная Турция; Начальник эшелона в Африку. Р., М., 1910; Мрачные времена: из записок начальника тайной полиции в Турции. Р., 1911; Шрутель-ислам: сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов. Р., 1911; Убийца на троне. Пг., 1918. Множество его литературных произведений опубликовано в издававшейся им мусульманской периодике. Многие остались неопубликованным и незаконченным (хранится в BDIC).

ское знание восходит, вероятно, к В. Г. Короленко, отметившему Кази-Бека среди многих других в известной статье «Современная самозванщина», да и в советскую пору его вспоминал, например, автор знаменитых романов о Чингиз-Хане и Батые В. Г. Ян-Янчевецкий³⁰).

В общем духе тех «тонких» журналов, где Кази-Бек помещал свои рассказы (иными словами, в духе, преобладавшем в русской массовой литературе того времени, важную часть которой и составляли эти журналы, называвшиеся «тонкими» в противовес журналам «толстым», т. е. «серьезным»³¹), он представлял несомненно лояльным к имперскому строю писателем. И вполне разделял веру в цивилизаторскую миссию России на Кавказе, пристрастие к восточной экзотике и ностальгию по ушедшему свободному кавказскому прошлому — сочетание, весьма характерное для российского массового ориентализма того времени³². Лояльность свою — вместе с несомненностью своего

³⁰ Короленко В. Г. Современная самозванщина // Короленко В. Г. Полное собрание сочинений. СПб, 1914. Т. 3. С. 271–368 (Статья была написана в 1896 г. и затем дополнялась); Ян В. Голубые дали Азии // Ян В. Огни на курганах / Сост. М. В. Янчевецким. М., 1985. С. 606–607, 677–702 (дополнительно о пересечениях путей Хаджетлаше и В. Янчевецкого см. Бессмертная О. Мусульманский Азеф. С. 252). О Кази-Беке см. также: Бокова В. М. Кази-Бек // Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь. М.: Изд-во БСЭ, 1992. Т. 2. С. 436. Упоминается он, хотя и глухо, через ссылку на соответствующую страницу в статье Короленко, и в: Щеглов Ю. К. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., испр., доп. СПб, 2009. С. 110 (в связи с понятием «турецко-подданный»).

³¹ О российской дореволюционной массовой литературе см. особенно: Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии литературы. М.: НЛО, 2009; Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton: Princeton UP, 1985; McReynolds L. The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-circulation Press. Princeton: Princeton UP, 1991; Пенская Е. Н. Русский исторический роман XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 418–474.

³² Об ориентализме в русской литературе этого времени см. особенно работы С. Лейтона, в частности: Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge UP, 1994 (специально: С. 252–261). Я говорю о «массовом ориентализме», стремясь отличить его от ученого ориентализма, от собственно востоковедения.

таланта — он не уставал подчеркивать. Например, публично сообщая о том, что дарования его были рано признаны неким «московским цензором С.И.С.»³³, или ссылаясь на личное знакомство с авторитетными чинами в официальных письмах (знакомство, на поверку оказывающееся не слишком близким)³⁴.

Казалось бы, естественным продолжением этой лояльности явился и задуманный им журнал «Кавказ и народы Востока» (вероятно, его первый замысел такого рода), ходатайство о разрешении которого он направил в январе 1898 г. в Главное управление по делам печати. Целью журнала было, как он писал, «стремиться доказать, что благосостояние и культурное развитие азиатских народов, как христиан, так и магометан, возможно только под покровительством могущественной России» (здесь и далее курсив мой. — О. Б.)³⁵. Впрочем, уж слыш-

³³ Живописное обозрение. 1894. № 34. С. 34. Эта таинственная фигура — конечно, Сергей Иванович Соколов, секретарь знаменитого журналиста и консерватора М. Н. Каткова, высмеянный либеральными авторами за невежество и тупость, проявленные в его стремлении к идеологической и нравственной выверенности цензурируемых произведений. См.: *Гилjarовский В.* Москва газетная. Редакторы. URL: http://az.lib.ru/g/giljarowski_j_w_a/text_0060.shtml, свободный. (дата обращения: 25.01.2014); *Чужой* (Н. Эфрос). Вместо некролога (Воспоминания) // Речь. (СПб.). 1912. 10.05. № 126; *Белусов И.* Мое первое знакомство с цензором // Путь. (М.). 1913. № 4. С. 36–37.

³⁴ РГИА. Ф. 776. О. 8. Д. 1146. Л. 4. Здесь это были: «Известный писатель Иероним Иеронимович Ясинский (Максим Белинский)», еще один московский «цензор Князь Николай Владимирович Шаховской», «Директор Департамента международных сношений Минист[ерства] иност[ранных] дел Николай Андреевич Малевский-Малевич». Ясинский был действительно известен как писатель (хотя и «второго ряда»), его порой упрекали в «беспринципности». Шаховской и Малевский-Малевич — чиновники высокого ранга (первый стал в 1900–1906 гг. Директором ГУЦДП; второй — российский посол в Японии в 1908–1916 гг.). В период, когда Кази-Бек ссылался на него, Малевский-Малевич был директором Отдела *внутренних* (а не международных) сношений МИДа.

³⁵ Имена, названные в предыдущей сноске, приведены как раз в этом ходатайстве. Кази-Бек назвал и соиздателя (там же) — однако «не пожелавшего фигурировать официально»: это «дворянин Сафар-Бек Урасбиев». Вероятно, подразумевался известный в русских ученых кругах балкарский *таубий* Сафар-Али Урусбиев, выпускник Петровской сельскохозяйственной академии, собиратель балкарского фольклора, представитель семьи, много помогавшей русским этнографическим экспедициям на Кавказе (см. о ней, в частности: *Алиева С. У.*,

ком выпуклое и постоянное подчеркивание этой лояльности (такой *стиль чересчур* всегда характеризует риторику нашего писателя) заставляет подозревать здесь «показушничество», точнее (и сложнее) говоря, перформанс, служащий автору средством продвижения к цели. В отличие от его будущего знаменитого журнала «Мусульманин», этот журнал тогда все-таки не разрешили — и по разным причинам. Одна из них была общеполитической: «Принимая во внимание, что издание органа, специально посвященного историческому прошлому наших кавказских племен, *при самых благих желаниях редакции*, может только быть в этих племенах, в особенности среди армян и татар, воспоминания об их независим[ом] от России существовании и укреплять их национальное самонимение, давая тем самым материал для замечаемых в последнее время сепаратистических стремлений...»³⁶. Другие же причины, помельче, были связаны с биографией заявителя: Управление не было уверено, что он со своей издательской задачей справится и вообще подходит (я к этому еще вернусь). Одно усугубляло другое³⁷. Однако затея эта уже в тот период свидетельствует как об амбициях Кази-Бека и его позиции (или позе) по отношению к властям и имперскому центру, так и о его интересах, направленных в сторону местной кавказской интеллигенции.

Тепнеев А. М., Толгунов З. Х. и др. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 36–42; Кумыков Т. Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX — начале XX вв. Нальчик: Эльбрус, 2002. С. 221–225). Указание Кази-бека на сотрудничество с С. Урусбиевым — заключавшееся, что было особенно важно, в его финансовой поддержке журнала — я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть.

³⁶ РГИА. Ф. 776. О. 8. Д. 1146. Л. 7.

³⁷ Интересно сравнить эту ситуацию с разрешением и даже субсидированием, спустя 10 лет, «Мусульманина»: возможно, ГУПДП в 1898 г. было осторожнее, чем ДДДИИ, занимавшийся «Мусульманином» в 1909 г.; возможно, перенос акцента с «национальной» на мусульманскую (т. е. конфессиональную) составляющую в названии и программе «Мусульманина» делал его более необходимым и менее опасным в глазах правительства, чем «Кавказ и народы Востока»; возможно, изменения государственной политики за десять лет повлияли на решение вопроса; возможно, наконец, что издателю в 1909 г. удалось представить себя убедительнее в качестве ответственной за дело фигуры. Подробнее см.: *Bessmertnaya O. Un agent-provocatour.*

В ноябре того же 1898 г. Кази-Бек уже находился под арестом³⁸. Арестовали его, однако, не по политическим мотивам (как это чуть позже пытался представить он сам, а за ним — и некоторые исследователи его жизни³⁹). «Самарская газета» (6 апреля 1899 г.) сообщила, со ссылкой на кишиневского «Бессарабца», что некто, «выдававший себя за бывшего офицера турецкой службы Кази-Бека Атукаева (так. — О. Б.) <...>, составивш[ий] себе некоторую известность в литературе <...> под псевдонимом Юрия Кази-Бека <...> [был] прислан по этапу из Петербурга в Кишинев, для удостоверения личности <...> По предъявлении этого господина командиру и нижним чинам 9-й роты волынского полка, выяснилось, что это — бывший рядовой этой роты Гершг Этингер, дезертировавший еще в 1891 году». Тем самым Кази-Бек был разоблачен публично (вероятно, не слишком широко, но именно это сообщение заметил В. Г. Короленко). Действительно, в декабре 1899 г. он был осужден «за первый из службы побег, сокрытие при его задержании своего имени, фамилии и воинского звания, проживание за границей и ношение неформенной одежды» и в течение 13 месяцев (до февраля 1901 г.) отбывал наказание в дисциплинарном батальоне в Бобруйске⁴⁰. Наказанию предшествовало довольно долгое разбирательство, о чем речь впереди. За это время — и с приближением революции 1905 г. — он, судя по дошедшим до нас через Особый отдел полиции его письмам, отправленным уже на свободе, утратил политическую лояльность режиму (если ее когда-либо имел); во всяком случае, от этого периода у нас, похоже, нет свидетельств обратного (впрочем, в одном из таких писем он отмеча-

³⁸ ГАРФ. Ф. 102, ДП. 3 Д-во. 1898. Д. 15. Л. 259–260об.

³⁹ См. особенно: *Хашхожева Р. Х.* Кази-Бек Ахметуков: жизнь и творчество // Кази-Бек Ахметуков. Избранные произведения / Вст. ст. и подготовка текстов к изданию Р. Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1993. С. 5–78.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102, ДП.ОО. 1901. Д. 235. Л. 26. В начале следствия ему были предъявлены более тяжкие статьи обвинения (включая вступление в подданство иностранной державы и/или «вхождение» в иностранную военную службу), предусматривавшие наказание ссылкой в Сибирь: ГАРФ. Ф. 102, ДП. 3 Д-во. 1898. Д. 15. Л. 259. Апрельская заметка в Самарской газете сообщала о предшествовавших приговору следственных действиях: ср. ЦГИА. Ф. 487. О. 2. Д. 82.

ет, что «сумел сделаться благонадежным»⁴¹). Он по-прежнему Юрий Кази-Бек, адыг (кабардинец) и мусульманин. Борец за народное счастье, за «благо несчастных, страдающих и голодных» и представитель некоей тайной всемирной организации с центром в Филадельфии («общества, которое <...> захватыва[ет] всю поверхность земного шара», придуманного им, видимо, по аналогии с мифами о еврейских и/или масонских всемирных заговорах для придания себе большей важности и таинственности среди лиц, которых он стремился привлечь), он планирует теперь, помимо прочего, «с помощью Аллаха» издавать газету в Бобруйске, дабы «пробудить его (Бобруйск. — О. Б.) от векового сна»⁴². Однако Кази-Бек вскоре исчезает. Его последние произведения издаются во Владикавказе в 1901–1902 гг. (если не считать переизданий в 1905 и 1911–1913 гг.)⁴³. А воспоминания В. Яна, восходящие к тем же годам (конец 1901 — 1904 гг.), помещают его в русский Туркестан, в Асхабад (и в этих воспоминаниях тоже Кази-Бек — литератор и журналист, не оставляющий, как со временем обнаруживается, поисков, кому служить, — предлагает в конце концов свою службу администрации персидского Шаха, а в итоге оказывается по происхождению евреем)⁴⁴.

Наш герой появляется вновь в 1907 г. под именем Григорий Эттингер — в переписке Особого отдела Департамента поли-

⁴¹ Письмо в Лондон от 13.03.1901 Феликсу Волховскому, с которым Кази-Бек пытался вступить в контакт (безуспешно), дабы распространять на родине «все издания» «вольной русской прессы» и переводить их на арабский и турецкий языки (которых он, видимо, не знал или знал плохо): ГАРФ. Ф. 102, ДП. ОО. 1901. Д. 235. Л. 4об.

⁴² Письмо к Софии Захаровне Черняк от 21.02.1901, жительнице Бобруйска, дочери торговца и ученице на степень дантистки. Там же. Л. 1, 19, 22, 31–32.

⁴³ Владикавказские издания см. в примеч. 29. Переиздание: *Кази-Бек Ю. На черный материк // Казбек (Владикавказ), 1905* (1е изд.: *Вокруг света. 1898*). Несколько рассказов из его книги «Всего понемногу» переизданы в журнале «Нева» (СПб.) в 1911–1913 гг.

⁴⁴ Невозможно судить о степени достоверности этих воспоминаний (тем более что они были записаны десятки лет спустя по устным рассказам В. Г. Яна его сыном, М. В. Янчевецким), но они, видимо, передают некое изустно передававшееся в тогдашних литературных и журналистских кругах представление о Кази-Беке.

ции⁴⁵; и в 1908 г., под именем Магомет Айшин, — в бумагах «Шерлока Холмса русской революции», В. Бурцева⁴⁶. Он предста-ет теперь руководителем «центрального и исполнительного комитета боевого летучего отряда Кавказской горской партии социалистов-революционеров-максималистов», а по характеристике, данной ему в полиции, — «шантажистом на революционной почве». От имени «партии» он рассылает богатым евреям-заводчикам в украинских местечках, да и попросту лицам из числа своих знакомых (и даже собственным родственникам в Петербурге) письма с требованием денег на революционные нужды, угрожая адресатам смертью по приговору «Комитета» или публичным позором (и не чураясь яркой антисемитской риторики). Такие «рассылки» отнюдь не были оригинальным изобретением *Магомета* (как он теперь подписывался), а составляли часть практики, весьма распространенной и уже в то время распознанной не только полицией, но и самими революционерами, например, под именем «революционного хулиганства»⁴⁷.

Однако «хулиганство» Магомета в кругах с теми или иными революционными настроениями распознали не сразу. Преследование полиции забросило его в Галицию, где он и встретил одного из будущих корреспондентов Бурцева, русского эмигранта, анархиста-коммуниста Самуила Беккера и его товарища (его рекомендовал им как «настоящего Могамета» — подразумевая об-

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102, ДП. ОО. 1907. Д. 297. Эта семья писала свою фамилию то с одним, то с двумя «т». Так же — в цитируемом деле ГАРФа.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 5802. О. 2. Д. 456.

⁴⁷ *Борисов С.* Революция и революционное хулиганство. Письмо с Северного Кавказа // Знамя труда. № 9, январь 1908. С. 11–12 (автор отмечает, в частности, «суеверно-почтительное отношение» «капиталистов» к революционным партиям и, в особенности, к самому слову «Комитет», которое «получило значение чего-то могущественного и всесильного, чего нужно бояться, но где можно при случае найти и „справедливую“ защиту своих интересов»). Отмечу, что даже по одной этой статье видно, сколь тонка была грань между «искренним революционером» и «революционным хулиганом», революцией и ее «изнанкой». См. шире: *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX вв.). М., 2000; *Герасимов И.* Еврейская преступность в Одессе начала XX века: от убийства к краже? Криминальная эволюция, политическая революция и социальная модернизация // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 511–544, особ. 522–527.

лик пророка Мухаммада — Н. И. Рогдаев (Музиль), деятель российского анархического движения, главный редактор «Буревестника»⁴⁸). Контакты были весьма тесными, Беккер помогал Магомету, видя в нем нелегального в России революционера, устраивал ему жилье в Бродях (где жил сам) и, в частности, получал на свое имя его корреспонденцию. Так и обнаружилось, к его изумлению и ужасу, сколь активную и насыщенную переписку вел Магомет с представителями той самой «обжирающей буржуазии», в которую, в беседах и нелегальных листовках, пламенно призывал бросать бомбы. Среди его корреспондентов были издатели и заметные сотрудники консервативной русской прессы. Магомет предлагал им свои статьи в двух руслах: направленные против Турции (поначалу — Турции Абдул-Хамида, затем — младотурков) и разоблачающие русских «освободителей» за границей (т. е. людей, эмигрировавших из России на волне подавленной революции, — подобных тем, каким, как должен был думать Беккер, был сам автор). В течение некоторого времени, однако, Магомету удавалось оправдывать эту переписку в глазах Беккера тем, что она будто бы велась в интересах горцев и в нужном «направлении» (иными словами, ее прагматической направленностью, принципом «цель оправдывает средства»).

10 апреля 1908 г. все — Магомет Айшин с женой и детьми⁴⁹ и Беккер с товарищем — переехали в Париж. Тогда-то Магомет и разместил объявления о выходе «Мусульманина» — журнала, которому (вместе с начатой им в 1911 г. в Санкт-Петербурге газетой «В мире мусульманства») предстояло составить его славу, как позитивную, так и скандальную. И тогда же — вместе с набиравшим силу в России (да и не только там) «мусульманским вопросом» — он превратился в Магомет-Бека Исламовича Хаджетлаше-Скагуаше, российского мусульманского журналиста и литератора, живущего с семьей в «столице мира», Париже (он не

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5802. О. 2. Д. 456. Л. 14 (Письмо С. Беккера В. Бурцеву от 17.08.1908).

⁴⁹ Тогда детей было трое, позже родились еще две дочери, в частности, и упомянутая выше предпоследняя, Мират. Жену, согласно семейной легенде, звали Айша, старшую дочь — Лейла. От обоих имен Магомет образовывал свои «фамилии»/псевдонимы: Айшин и, позднее и недолго, Лейлин.

перестал, впрочем, подписываться и Магометом Айшиным, что теперь читалось как псевдоним).

Начало «Мусульманина» имело два этапа, первый из которых был окружен новой серией мифов, сочиненных Хаджетлаше. Они должны были обеспечить (и обеспечили) успех его обращения в правительство с тем, чтобы получить субсидию на журнал. Методы, которыми он, видимо, поначалу намеревался найти средства на издание, не сработали. Провалилась попытка создать «Русское корреспондентское бюро» в Париже: оно должно было за известный процент от гонорара размещать публикации русских журналистов в прессе (а «красота идеи» заключалась, по словам С. Беккра, еще и в том, чтобы посылать часть выручаемых средств в пользу политических заключенных). Бесконечно одалживать деньги у не слишком обеспеченных «сотратников» (хотя бы и не возвращая долги), как и добывать их еще какими-то случайными путями, было невозможно. Издание оказалось убыточным, несмотря на размещенную в нем обширную рекламу (включая российские и эмигрантские газеты всех подряд политических толков), за него надо было платить по меньшей мере типографии, а покупателей явно не хватало⁵⁰. В 1908 г. вышло лишь два номера (28 июля и 28 августа по новому стилю).

Поиски правительственной субсидии явились фактически продолжением переписки Магомета с консервативными деятелями публицистической сферы. Так и появился на свет Ахмет-Бек Алибекович Аллаев, выходец из Ставропольской губернии, мусульманин и литератор, живущий во Франции, установивший переписку с С. Н. Сыромятниковым (влиятельным сотрудником официозной газеты «Россия», вхожим в МВД) и порекомендовавший ему «Мусульманин» как орган, важный для интересов правительства на Кавказе, и его издателя, Хаджетлаше, как широко известного мусульманского журналиста и русского патриота, — персонаж, изобретенный самим Хаджетлаше и остававшийся его «альтер-эго» вплоть до революции 1917 г.⁵¹

Так же, видимо, возникла и легенда о конфликте Хаджетлаше с «кружком интеллигентных черкесов», в выпусках 1908 г.

⁵⁰ Такая финансовая ситуация рисуется по цитированному письму С. Беккера.

⁵¹ Подробнее см.: *Бессмертная О. Мусульманский Азеф.*

значившимся издателем «Мусульманина». Она вышла из-под пера все того же Аллаева в той же переписке с Сыромятниковым (не позднее 15.05.1909)⁵² и повторялась во всех правительственных справках о «Мусульманине» вплоть до 1916 г. Отсюда следовало, что Хаджетлаше остался один в своем начинании с журналом и нуждался в правительственной поддержке потому, что после младотурецкой революции в Турции этот кружок, «состоящий из восьми душ с большими средствами, потребовал от редактора, чтобы журнал изменил свое направление и сделался бы революционным». А редактор, как человек с убеждениями, конечно же отказался. Этот рассказ по меньшей мере сильно приукрашивал ситуацию: ведь журнал начал выходить через несколько дней *после* младотурецкого «переворота», а во все не до него (датой переворота считается 24 июля 1908 г. (по новому стилю), а события, непосредственно к нему приведшие, начались и того раньше)⁵³, так что резкая и неожиданная смена политической ориентации названного «кружка» после или по причине этих событий вряд ли могла случиться. Зато такая легенда представляла Хаджетлаше в глазах Сыромятникова (и всех последующих читателей-государственников, начиная с чиновников МВД) не только человеком твердых убеждений, но и активно востребованным во враждебном политическом лагере деятелем. (Замечу, что демонстрация стойкости перед соблазном деньгами и славой со стороны врагов станет постоянной стратегией Хаджетлаше в любом его общении — а скорее всего, она была уже опробована и Юрием Кази-Бекком, и Магометом Айшиным.) В итоге ходатайству Хаджетлаше, с которым он еще в марте 1909 г. обратился в Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий (им руководил тогда А. Н. Харузин), был дан ход и субсидия была получена.

Часть правды в рассказе о «кружке-издателе» заключалась, возможно, в том, что связи Магомета Айшина на мусульманской «стороне», тогда вряд ли широкие, были продолжением его

⁵² ГАРФ. ДП. ОО. О. 316. 1909. Д. 234. Л. 1–3 (Письмо Аллаева Сыромятникову, пересланное последним в ОО ДП — очевидно, Е. К. Климовичу, заведующему Особым отделом в то время).

⁵³ Хаджетлаше, пользуясь разницей между новым и старым стилями, впоследствии указывал дату выхода первого номера «Мусульманина» по старому стилю, 15 июля, так что получалось, что журнал вышел все-таки на неделю раньше дня младотурецкой революции.

деятельности в облике эсера (он, впрочем, после разоблачения Евно Азефа стал называть себя иной раз анархистом-индивидуалистом) и ориентировались на людей, настроенных оппозиционно, в той или иной степени связанных с младотурками (нельзя исключить, что Хаджетлаше взял у кого-то из таких людей деньги на издание, подобно тому как он одолжил их у С. Беккера и его товарища, отчего кредиторы и были названы «издателями»). Характерно, что «Мусульманин» на протяжении почти всего своего существования (до конца 1911 г.) печатался в парижской типографии, имевшей отношение к революционной русской эмиграции, а «жерантом»⁵⁴ его был, с 1910 г., Морис Хамбург, аптекарь родом из России, известный своей причастностью к издательской деятельности российских революционеров-эмигрантов, и В. Бурцева в частности. Типография эта, между прочим, по просьбе российского посольства стала в 1910 г. объектом проверки французской полиции: искали, где печатались подложные российские документы, свидетельства о рождении, университетские дипломы и пр.; ничего подозрительного о ее хозяевах — евреях из России — французам, однако, выяснить не удалось⁵⁵.

Мне известно о двух мусульманских контактах Хаджетлаше в Париже в период раннего «Мусульманина» (до 1910 г.), и оба они — мусульмане из России с революционным опытом. Так, Аллаев сообщил Сыромятникову об их (его и Хаджетлаше) знакомстве — или, точнее, конфликте — с Джелаледдином Коркмасовым (последний действительно находился в 1907 г. в Париже и был связан с младотурками)⁵⁶. Аллаев описывал этот конфликт так же, как конфликт с черкесским «кружком-издателем», объясняя его внезапно наступившей революционностью Коркмасова (что внезапным, безусловно, не было), иными сло-

⁵⁴ Жерант — в прессе — ответственный за издание. По французским законам такого «управляющего» обязано было иметь каждое периодическое издание; обычно «жеранты» не вмешивались в его содержание.

⁵⁵ AN. Sureté nationale. F. 7. B. 12894.

⁵⁶ Джелаледдин (Джелал-Эд-Дин) Коркмасов (1877/78–1937) — анархист, социалист, участник революции 1905 г. С 1908 г. — в Турции. В 1917 г. активно поддержал большевиков, в 1921–1931 гг. — председатель Совнаркома ДАССР; репрессирован по обвинению в шпионаже в пользу Турции.

вами, его политической продажнойностью. Несомненно, однако, что Хаджетлаше увидел в Коркмасове как издателя «Стамбульских новостей» соперника и сделал все, чтобы «Стамбульские новости» закрыли⁵⁷. Другой человек, получивший справку от редактора-издателя о том, что он «состоит сотрудником и представителем журнала „Мусульманин“», — справку, очень напоминавшую те, какие Магомет выдавал членам «боевого отряда Кавказской горской партии социалистов-революционеров-максималистов», — был Джафар Ахундов, азербайджанец, член РСДРП и азербайджанской Мусульманской социал-демократической партии Гуммет с 1903 г. (не он ли, начиная с 1910 г., публиковал статьи в «Мусульманине», а затем в газете «В мире мусульманства» под

⁵⁷ В письме к Сыромятникову от 10 марта (ст. ст.) 1910 г. Аллаев призывал его «обратить строгое внимание» на эту «протурецкую» газету, противопоставляя ее «Мусульманину» не только идеологически, но и по финансовым возможностям, якобы обеспеченным младотурками (ИРАИ. Ф. 655. Д. 15. Л. 16–17). В том же месяце ДДДИИ послал запросы о распространности «Стамбульских новостей» (как и «Мусульманина») в губернии с мусульманским населением; «Стамбульские новости» были изъяты из обращения в России за «паносманскую пропаганду» (РГИА. Ф. 821. О. 8. Д. 834. Л. 299). Между тем принято считать, что «реакция на „Стамбульские новости“ в России была бесспорно положительной» (так — на основании отзыва российского посла в Константинополе Н. В. Чарыкова, данного им в октябре 1909 г.), что газета издавалась на личные деньги Дж. Коркмасова при помощи друзей, и что она была закрыта весной 1910 г. младотурками, поскольку ее «общее демократическое направление <...> не отвечало требованиям реакционного политического и идеологического курса младотурок» (Зульпукарова Э. Из истории первой русской газеты «Стамбульские новости». РИА Дагестан. 9 августа 2009, URL: <http://archive.is/nALo> (дата обращения: 06.12.2014); Коркмасов А. Д.-Э. Газета «Стамбульские Новости» и ее место во всеобщей истории прессы. Газават.ру. URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=31&art=278> (дата обращения: 06.12.2014). Приходится иметь в виду, что оценки разными российскими ведомствами того или иного издания (да и других явлений) отнюдь не всегда совпадали, и по разным причинам. Вместе с тем высказанное Чарыковым в переписке с МИДом отношение к «Стамбульским новостям», описанное в цитированных статьях («частная инициатива», «наш успех», попытка добиться разрешения на беспощадный ввоз газеты в Россию), совпадает с некоторыми характеристиками, дававшимися правительственными чиновниками «Мусульманину», что заставляет задуматься о том, все ли было так однозначно со «Стамбульскими новостями».

псевдонимом «Джим Алиф»)»⁵⁸. Статьи же, опубликованные в «Мусульманине» в 1908 г., написаны по большей части самим Хаджетлаше под разными псевдонимами.

Однако возобновленный в 1910 г. благодаря правительственной субсидии, «Мусульманин» собрал (отчасти в результате поездки Хаджетлаше на Кавказ и в Поволжье в конце 1909 г., финансируемой правительством) уже немалое число авторов, притом разных конфессий и политических толков. В апреле 1911 г. к нему добавилась газета «В мире мусульманства» (Хаджетлаше здесь числился издателем, а редактором — осетин, помощник присяжного поверенного Аслан-Гирей Датиев). Издававшаяся в Петербурге и тоже имевшая правительственную субсидию, но на этот раз задуманную как частичная, с тем чтобы привлечь средства и самих мусульман, она, по некоторым планам, обсуждавшимся Хаджетлаше с ДДДИИ, должна была со следующего года заменить собою парижский «Мусульманин»; она завоевала, как кажется, более широкую читательскую аудиторию. Несмотря на мозаичность «Мусульманина», общее лицо обоих изданий составили авторы-мусульмане, причем все той же оппозиционной направленности, которая — особенно позже и особенно после 1917 г. — более определенно проявится у многих из них как социалистические и/или нацие-

⁵⁸ Хаджетлаше выдал эту справку Ахундову в мае 1909 г., т. е. уже после выхода первых номеров журнала (копия справки, находящейся в Государственном архиве политических партий и общественных движений Азербайджана, прислана мне внуком Д. Ахундова, Расимом Ахундовым, сообщившим также биографические сведения о нем; пользуюсь случаем выразить Расиму свою признательность). Джафар Ахундов (1878–1931), сын ахуна Елисаветпольского уезда Гаджи Гасана Молла-заде Гянджеви (автора обширных исторических трудов), прошедший через арест за революционную деятельность и эмигрировавший из России после 1905 г., возможно, уже имел опыт журналистской работы: брат его Гусейн в 1908 г. издавал в Елисаветполе газету «Истикбал» (см.: *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. La presse et le mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920. P., 1964. P. 120*). Впоследствии он был избран членом Учредительного Собрания от партии Гуммет, в 1918 г. участвовал в работе сейма Закавказской республики (где руководил депутатами от Гуммет), в 1920 г. присоединился к большевикам (и восстанавливал, в качестве временного комиссара, революционный порядок в мусульманской части Гянджи).

строительские устремления⁵⁹. Тут писали, кто редко, кто часто: кавказцы Мисост Абаев, Гайдар Баммат(ов), Саид Габиев (С. Ку-мухский), Алихан Кантемир(ов), Пшемахо Коцев (П. Кабардей), Ахмед Цаликов (Цаликати), татары Хади Атласов (Атласи — известный историк), Шариф Сунчали(ев) (учитель-джадид) и др. Вместе с тем примерно половина статей в «Мусульманине» по-прежнему была написана самим Хаджетлаше (под разными псевдонимами); теперь к нему присоединилась его жена Айша-Ханум и секретарь редакции, оренбургский татарин Мирсаяф Крымбаев.

Однако уже осенью 1911 г. среди мусульманских журналистов и депутатов мусульманской фракции Думы разразился скандал: возникли подозрения (небезосновательные, как нам известно), что Хаджетлаше — агент правительства, «провока-тор», и его издания имеют правительственную субсидию. Поли-цейские источники указывают разные идеологические причи-ны, вызвавшие эти подозрения: критика мусульманской дум-ской фракции, критика Турции, критика З.-Г. Тагиева (азер-байджанского мусульманского мецената) в изданиях Хаджет-лаше. Конфронтация Хаджетлаше с Тагиевым и газетами, из-дававшимися под его эгидой, возможно, послужила и опасе-нию, что Хаджетлаше был причастен к арестам мусульманских газет в Баку в марте 1911 г. В татарской прессе и частной пе-реписке (во всяком случае, стекавшейся к редактору оренбург-ской газеты «Вақыт», Фатыху Карими) отразились претензии к политическому и религиозному содержанию изданий Хаджет-лаше: высказывалось, в частности, предположение что «сотруд-ники <...> не в достаточной степени знакомы с делами и рели-

⁵⁹ Вопрос о том, как конструировались границы «своей» общности — национальные и конфессиональные, о соотношении религиозной и эт-нической составляющей в таком конструировании, соответственно и о том, можно ли уже в период «Мусульманина» назвать ориентацию его авторов собственно националистической (не преобладала ли здесь, на-пример, идея общности *мусульман России*), об их взгляде на место та-кой общности внутри российской империи, о важных различиях во взглядах между ними — все эти вопросы ярко проступают в истории принятия Хаджетлаше мусульманской оппозицией в «свои» и после-дующего изгнания его из их числа. Подробнее см.: Бессмертная О. Му-сульманский Азеф; *Bessmertnaya O. Un agent-provocatour musulman.*

гией мусульман»⁶⁰. Эта полемика, однако, была связана не только с содержательными претензиями, но и с конъюнктурой в мусульманском газетном мире, да и с представлениями мусульман разных регионов страны друг о друге. Немаловажным в складывании этих подозрений был, видимо, и сам тот извечный *стиль чересчур* в поведении Хаджетлаше, о котором я говорила выше, заносчивость, мстительность, постоянная заинтересованность в деньгах и привычка подчеркивать собственную важность доступом к высшим сферам в стане врагов⁶¹. Все вместе повлекло за собой расследование.

В публичной сфере мусульманские представители обнаружили двурушничество Хаджетлаше как журналиста, продолжавшее то поведение, о каком еще в 1908 г. сообщал Бурцеву С. Беккер. Наряду с помещенными в его мусульманских изданиях статьями о важности самоотверженной работы мусульманской интеллигенции на nive мусульманского просвещения и приобщения мусульман к цивилизации, об их традиционной лояльности России, Хаджетлаше публиковал в консервативной русской прессе статьи о панисламизме, грозящем гибелью всей европейской цивилизации (и России в частности), — т. е. статьи, читавшиеся как откровенно анти-мусульманские. Он не постеснялся даже опубликовать одну и ту же статью, с одной стороны, в журнале «Офицерская жизнь», с другой — в обоих своих мусульманских изданиях; в первом случае она называлась «Панисламизм как грозное движение в мусульманском мире», во втором — «Реформаторы ислама» (помимо смены названия, в «Реформаторах» были последовательно изъяты наиболее одиозные антиисламские оценки)⁶². В сфере же частной возникли

⁶⁰ «Вақыт». — 1911. — № 839. Цит. по: НАРТ. Ф. 199. О. 1. Д. 722. Л. 237–238.

⁶¹ Ср. письмо М. Крымбаева к Ф. Карими, где упоминается, что Хаджетлаше показал необходимые материалы «там, где следует»: НАРТ. Ф. 1370. О. 1. Д. 22. Л. 30–30об.; опубликовано в: Фатих Карими: Научно-библиографический сборник / Сост. Р. Марданов, Р. Миннулин. Казань: Рухият, 2000. С. 258.

⁶² Сравнение этих версий и интерпретацию такого писательского поведения Хаджетлаше (в частности, о том, как он представлял себе ожидания его разных читательских аудиторий и саму роль «панисламизма» для каждой из них) см. специально в: *Бессмертная О. Куль-*

подозрения, характер которых нам уже знаком: что Хаджетлаше на самом деле — не черкес и не мусульманин, а еврей; о таких дошедших до него слухах думский депутат от Уфы Селим-Гирей Джантюрин писал Фатыху Карими в частном письме⁶³.

К В. Бурцеву в Париж для консультаций был направлен Шакир Мухамедьяров (тогда сотрудник «Вақыта» и студент юридического факультета Петербургского университета, один из лидеров движения студентов-мусульман, участник революции 1905 г.). Из Франции же писал брату в Екатеринодар с просьбой «рассказать всем» о том, что он узнал, побывавший в Париже проездом и посетивший как Бурцева, так и типографию, где издавался «Мусульманин» («в типографии все евреи»), выехавший из Кубанской области в Аргентину Осман Гатагог — «личность революционного направления», по выражению полиции⁶⁴. И Мухамедьярову, и Гатагогу Бурцев подтвердил подозрительность Хаджетлаше (но обещанного собственного расследования, судя по всему, не провел). О «грязности этого типа» писал «корреспонденту одной из мусульманских газет» и С. Беккер.

Обнаруженное политическое двурушничество Хаджетлаше подтверждало в глазах его мусульманских оппонентов не только неприглядность его личности — но и самую чуждость его происхождения; частное обрело значение публичного. Разоблачительная статья о его недопустимом журналистском поведении была разослана в редакции всех мусульманских газет и опубликована по-русски в столичной кадетской газете «Речь» (24.12.1911/6.01.1912, № 353) и в бакинском «Каспии» (8 и 11 января 1912 г.; издателем этой газеты был тот же меценат Г.-З. Тагиев, конфликт с изданиями которого отразился в изданиях Хаджетлаше). В статье упоминалось также, что Хаджетлаше лишь *выдает* себя за кавказского горца и мусульманского журналиста. В обиходе же за ним закрепилось прозвище «мусульманский Азеф», дошедшее до нас через некоторые газеты⁶⁵. Некоторые из бывших сотрудников и сторонников «Мусульманина» публично и

турный билингвизм. Ср. также: *Климович Л.И.* Ислам в царской России. М.: ГАИЗ, 1936. С. 233–267.

⁶³ Письмо Джантюрина к Ф. Карими: НАРТ. Ф. 1370. О. 1. Д. 22. Л. 28–28об.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102, ДП. О. 316. Д. 234. Л. 35–35об.

⁶⁵ См., например: Мусульманская газета (СПб.) 1913. 23.07. № 20. Ср. также: В мире мусульманства. 1912. 20.04/3.05. № 8.

громко заявили о своем разрыве с ним (в частности С. Габиев, начавший с 1913 г. вместе с И. Шагиахметовым издавать в Петербурге «Мусульманскую газету», по сути взявшую на себя функции «В мире мусульманства»)⁶⁶.

С 1912 г. мусульманские издания Хаджетлаше закрылись⁶⁷. Он, однако, продолжил свою деятельность — устанавливая контакты с другими мусульманами и другими правительственными чиновниками (теперь уже чиновниками не из ДДДИИ, а из Особого отдела полиции, для которого он подготовил ряд справок, в частности указывавших на его разоблачителей как вредных панисламистов). И до конца дней Российской империи он мечтал о восстановлении «Мусульманина» и создании через правительство, под его личным руководством, «хорошо поставленного» издательства, специализирующегося на литературе на разных языках для российских мусульман. С приближением Первой мировой войны он все больше говорил о геополитическом соотношении сил, где мир ислама и Турция (а за ней Германия и Австрия) занимали центральное место: враги Российского государства в целом, они оказывали крайне пагубное влияние на российских мусульман в частности. Ему удалось вызвать к себе интерес МИДа. Есть косвенные признаки того, что он работал — или хотел, чтобы так казалось — по поруче-

⁶⁶ Эту историю мусульмане помнили долго. По свежим следам Садри Максуди в знаменитой думской речи в марте 1912 г., направленной против мифа о «панисламизме», в который уверовали власти, приводил случай Хаджетлаше как пример безнравственных методов, используемых правительством в его необоснованной борьбе против мусульманского движения в России (см.: Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906–1917 гг.: Сборник документов и материалов / Сост., авт. вступит. ст. и примеч. Л. А. Ямаева. Уфа: Китап, 1998. С. 178–194). В 1917 г. (19 авг.) о нем вспоминали в дагестанской арабоязычной газете «Джаридат Дагистан». Известный политический деятель, крымский татарин Джафар Сеидахмет Киример писал о нем в своих воспоминаниях в 1960-х гг. (см.: *Cafer Seydahmet Kirimer. Bazı Natralar*. İstanbul: Emel Türk Kültürünü Araştırma ve Tanıtma Vakfı, 1993. P. 91; я признательна Эдит Юбер за это указание). Подробнее об истории разоблачения Хаджетлаше см. *Бессмертная О. Мусульманский Азеф*.

⁶⁷ В 1912 г. вышло восемь номеров «В мире мусульманства», последний — 20 апреля 1912 г. по старому стилю; «Мусульманин» не выходил.

ниям контрразведки⁶⁸. Нельзя полностью исключить, но нельзя пока и подтвердить, что в 1915 — начале 1916 г. он оказался в Шанхае, где «работал» под фамилией Э(т)тингер — возможно, впрочем, на немцев: Э(т)тингер там «работал» (и, судя по всему, более на немцев, чем на Россию), но был ли это *тот* Э(т)тингер?⁶⁹

В 1916 г., продолжая череду многих прочих его предложений — где он всегда выступал как борец с германской и панисламистской (турецкой) пропагандой за российских мусульман и которые адресовал то в Главное управление по делам печати, то в ДДДИИ, то в Особый отдел ДП, — он, в декабре, обратился к последнему с идеей направить его в Стокгольм. Цель — выявление «агентов

⁶⁸ О вероятной работе Хаджетлаше «по поручению контрразведки» пока можно говорить лишь на основании беглого упоминания об этом в краткой, написанной прямо на визитной карточке Магомет-Бека записке чиновника, рекомендовавшего Хаджетлаше Е.К. Климовичу (тогда — директору Департамента полиции). Климович мог помнить Хаджетлаше и сам, со времени своей работы Заведующим Особым отделом полиции в 1909 г. См.: ГАРФ. Ф. 102, ДП. ОО. 1916. Д. 74. Л. 24.

⁶⁹ В имеющихся архивных делах имя *этого* Этингера — Абеле, прозвище — «Оба», или «Рыжий». Этот Этингер — действительно рыжий и со светлыми глазами (РГВИА. Ф. 1468, ОП. 2 доп., Л. 212об.). Не забудем, что волосы всегда можно было и покрасить, и завить, а имя изменить, но вряд ли тогда поддавался «перекраске» цвет глаз. Как ни парадоксально, мне не удалось найти достоверного описания внешности Хаджетлаше (например, цвета его глаз) даже в делах шведской полиции; у его брата, Михаила Э(т)ингера, глаза были светлыми (фотографии Хаджетлаше сохранились, но по ним судить о цвете глаз и волос, разумеется, невозможно). Зато у Кази-Бека глаза — карие, а волосы — темно-русые (ЦГИА. Ф. 487, О. 2, Д. 82, Л. 28). Тем не менее пока поостерегусь полностью отвергать вероятность «работы» Хаджетлаше в Шанхае. Хотя в разных Делах российских ведомств, как военного, так и полицейского, связанных с соответствующей операцией в Шанхае, упоминается, что Этингера «удалось заагентурить», что он «сотрудничает в пользу России» (что, видимо, ввело в заблуждение Р. Х. Хашхожеву, см., в частности, ее: Кази-Бек Ахметуков: Жизнь и творчество), эти попытки, судя по всему, не сработали: Этингер не поддавался влиянию российских служб и их финансовых возможностей и, видимо, продолжал работать на немцев. Его занятия включали торговлю опиумом и другие характерные для шанхайских мошенников темные дела. См., например: РГВИА. Ф. 1468. О. 2 доп. Д. 695. Л. 15–18об. См. также: *Кирмель Н. С.* Германские шпионы торговали в Сибири швейными машинками «Зингер» // Военно-исторический журнал. 2002. С. 50–55.

германо-турок, свивших свое преступное гнездо в Стокгольме» и ведущих там прогерманскую пропаганду среди возвращающихся на родину из плена российских мусульман-инвалидов. Предложение чуть было не сочли целесообразным, но остановились, когда обнаружили, что Хаджетлаше включен в список лиц, подозреваемых в шпионаже против России⁷⁰. В Стокгольме он, как мы уже знаем, тем не менее оказался, причем его появление там вместе с братом Михаилом Этингером осенью 1918 г., ставшее началом конца — т. е. упомянутого выше «шведского дела», — было не первым. Возможно, в конце 1916 г. его влекли туда какие-то финансовые дела, связанные с попытками, используя возможности военного времени, организовать собственный «бизнес» (так, в Петербурге он завел себе фабрику «Рапид», производившую «походные кухни» — горелки); возможно также, что тогда его все-таки направило в Стокгольм какое-то из российских ведомств.

Однако вместе со своеобразной «глобализацией», характеризовавшей, например, журналистские дискуссии военного времени (по неизбежности чаще прежнего посвященные общемировым вопросам), расширялся и диапазон воображаемых и реальных границ, которые пересекал Хаджетлаше в своей деятельности. Еще в военном Петрограде он установил связи с союзниками — британскими спецслужбами. Информация о немецкой пропаганде среди мусульман азиатской России, представленная Хаджетлаше, вызвала, по словам Сэмюэля Хора — подполковника Генштаба британской армии, члена, а затем главы британской Военной миссии в России в 1916–1917 гг., — интерес в Индийском департаменте британского правительства, куда Хор ее отправил⁷¹ (все же ориенталистские клише о мусульманском мире, на которых основывались сообщения Хаджетлаше, во многом оказывались общими в России и Англии). В Стокгольме Хаджетлаше, по сведениям Майкла Смита, был связан с Джоном Скейлом — помощником британского во-

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 102, ДП. О. 316. Д. 234. Л. 62–67. Р. X. Хашхожева (см., в частности, ее: Кази-Бек Ахметуков: жизнь и творчество) считает, что включение его в списки подозреваемых в шпионаже было маскировкой его контрразведывательной деятельности.

⁷¹ Hoare S. The Forth Seal: The End of a Russian Chapter. L.: William Heinemann Ltd., 1930. P. 64–67.

енного атташе и, по совместительству, главой Стокгольмского офиса Секретного бюро — офиса, координировавшего деятельность британской разведки в большевистской России (это был тот самый Скейл, который в марте 1918 г. «завербовал» для новой работы в России знаменитого ныне Сиднея Рейли, ставшего прообразом Джеймса Бонда: тогда основной целью британских спецслужб была попытка предотвратить сепаратный мир между большевистской Россией и Германией)⁷². Из этого, впрочем, не следует, что действия «Русской лиги» были провокационной затеей британских спецслужб: наоборот, это «дело» стало, похоже, полной неожиданностью для Скейла и его коллег⁷³. Зато мы видим все ту же, уже знакомую нам «игру на соперничествах» в письме Хаджетлаше кому-то из британских агентов (вероятно, от февраля 1917 г.): при возможностях Англии, столь превосходящих возможности и степень ответственности членов русского правительства, он, с ее помощью, быстрее организует «работу» (вероятно, всего лишь издательскую) и добьется победы в борьбе с немецкой пропагандой среди его единомышленников. Особенно актуальным стало теперь присутствие среди последних мусульман Индии (британской колонии), также жертв немецкой пропаганды⁷⁴.

Появление в английской прессе, в ходе шведского скандала вокруг «Русской лиги», статей о связях Хаджетлаше с большевиками и, одновременно, о каких-то его целях в Индии⁷⁵ отражало, по мнению М. Смита, стремление британских спецслужб

⁷² *Smith M. Six. A History of Britain's Secret Intelligence Service. Pt. 1: Murder and Mayhem 1909–1939. L.: Biteback, 2010. P. 213–219.*

⁷³ *Ibid.* P. 253. Важно иметь в виду, что в целом М. Смит (журналист, специализирующийся на истории британской разведки) заметно преувеличивает роль британских спецслужб в российской истории. В его трактовках источников, касающихся Хаджетлаше, не всегда ясно, когда он основывается на архивных документах, а когда пересказывает англоязычные газетные статьи того времени, так или иначе тенденциозные.

⁷⁴ Письмо с обращением «Милостивый государь» из частного архива Хаджетлаше (ныне в ВДИС).

⁷⁵ См., например: *Stockholm Murders: Bolshevik Propaganda for India // The Times. Friday, Aug 29, 1919. Pg. 9, Issue 42191.* Это лишь одна из статей, опубликованных в «Таймс» в связи со «стокгольмскими убийствами», как раз та, которую цитирует и стремится опровергнуть Воровский.

отмежеваться от него: он представлял тут как человек продажный и желающий к тому же вызвать в Индии выступления против британского правления. Впрочем, публикации о связях Хаджетлаше с большевиками появились задолго до августа 1919 г., когда вскрылась деятельность «Лиги» (и раньше, чем на то указывает Воровский, оспаривая эти связи). Еще весной Джон Поллок, корреспондент «Таймс», поместил в Гельсингфорской белой газете «Русская жизнь» (№ 40) статью, аналогичную той, что он опубликовал в самой «Таймс» в августе, с цитатами из очень темного письма Хаджетлаше в Петроград, как будто подтверждающего его большевистские связи⁷⁶. Не так давно было обнаружено еще четыре письма Хаджетлаше (или, точнее, его «представителей») к Зиновьеву и Бокому⁷⁷, на ту же примерно тему. На мой взгляд, однако, они свидетельствуют не о том, что «...Хаджетлаше уехал за границу не для борьбы со сторонниками советской власти, а для участия в революционном движении»⁷⁸, а скорее о том, что он действительно (как он и сам, в *стиле чересчур*, подчеркивал это в своей защитной речи на суде) какое-то время находился под арестом Петроградской ЧК. Некий «Союз пропаганды анархических идей» и «Комитет рабочих завода Рапид» на собственных бланках этого Союза просят адресатов вернуть 25 000 крон, конфискованных у Ха-

⁷⁶ Это стоило жизни еще одному человеку, Анатолию Садыкеру, технику в одном из подразделений армии Юденича: поскольку Хаджетлаше передал в Петроград письмо, процитированное Поллоком, через Садыкера, последнего заподозрили в таких же связях; он был расстрелян (о расстреле, осужденном многими за поспешность и необоснованность, см., например: *Горн В.* Гражданская война в северо-западной России // Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л.: «Красная газета», 1927. URL: <http://lib.rus.ec/b/191817/read> (дата обращения: 10.12.2014). Письмо подробно и почти точно пересказывает Воровский.

⁷⁷ *Фролов В. Н.* «Лига убийц» и ее руководитель Магомет-Бек Хаджетлаше. Новые материалы // Из глубины времен (СПб.: ИИ РАН «Нестор-История» и СПбГУТ). 2005. № 13. С. 391–399. Г. Е. Зиновьев в 1917–1918 гг. — председатель Петросовета; Г. И. Бокий (организатор красного террора в Петрограде и Северном регионе), в это время — председатель ЧК Союза коммун Северной области и Петроградской ЧК.

⁷⁸ Там же. С. 391. В. Н. Фролов, впрочем, сопровождает высказанное им предположение важным уточнением: «если верить им» (т. е. публикуемым материалам).

джетлаше (названного тут товарищем) при аресте (и найденных в двойном дне его чемодана); основанием служит то, что деньги принадлежат Союзу и Хаджетлаше был командирован им «с определенной целью», «для осуществления давно выработанного плана» и «деятельности в пользу революции». Это слишком напоминает собственные бланки самозваного «центрального и исполнительного комитета боевого летучего отряда...» (притом не первый раз), чтобы не увидеть здесь очередной попытки Хаджетлаше изобрести себе лицо, вызывающее доверие у адресата, дабы добиться цели (и денег). Сказанное, впрочем, не означает, что Хаджетлаше не был и иным образом связан с большевиками.

Разные архивные фонды и некоторые публикации того времени прямо или косвенно подтверждают, что он пытался установить связи чуть ли не со всеми значимыми игроками на тогдашней российской политической сцене с центром в Стокгольме. Он писал Юденичу с просьбой включить его и восьмерых членов его «боевой группы» в число участников похода на Петроград; Юденич, однако, был осторожен и, видимо, не ответил ему (как и русское посольство, остававшееся в Стокгольме, наряду с большевистским представительством)⁷⁹. Он или кто-то из членов Группы установил контакты с французским морским атташе⁸⁰ и с американским представительством⁸¹. Заявления арестованных о таких «интернациональных» связях «Лиги», делавшиеся ими в свою защиту и попавшие в газеты, повлекли за собой опровержение от шведской полиции, сообщавшее о недоказанности таких сведений и инициированное представительствами этих стран⁸². Во всех этих обращениях к потенциальным российским и иностранным «спонсорам» (кроме письма Хаджетлаше Юденичу о желании участвовать в его походе)

⁷⁹ Н. Nikolay Yudenich Papers, 1919–1921. Box 7. File 30. L. 10–12. Возможно, Хаджетлаше также предлагал Юденичу поддержать деятельность Группы, о чем пишет Воровский, но у меня нет свидетельств этому. Черновик опровержения, направленного Юденичем в шведские газеты, отрицающего какую-либо осведомленность Юденича о существовании «Группы», см. в: Н. Box. 18. File 104. L. 77–77recto.

⁸⁰ Об этом свидетельствуют архивы французской армии и флота.

⁸¹ Об этом подробно пишет Воровский и, кажется, в этом ему можно верить.

⁸² См., например: The Murder League in Stockholm // The Times. Wednesday, Sep 10, 1919. Pg. 9, issue 42201.

речь шла о помощи Группе деньгами для ее борьбы с большевизмом и немцами (акцент теперь был на первом). Существуют, впрочем, признаки — однако косвенные — что Хаджетлаше был связан и с немцами. Отнюдь не все, с кем он установил контакты, согласились финансировать Группу, хотя и не все распознали в предложенном Хаджетлаше плане его очередную «красивую идею», или, как он любил говорить, «комбинацию»⁸³: план сулил огромные деньги, предназначавшиеся для той же борьбы, которые следовало экспроприировать у самих же большевиков, напав на их стокгольмское представительство (или попросту на квартиру Воровского)⁸⁴. Он и здесь издавал газету, «Эхо России» (вышло несколько номеров).

Парадокс, возможно, в том, что за всей этой аферой не скрывалось ничего, кроме нее самой: в ней скрестились, конечно же, интересы самых разных игроков на этой сцене, но здесь не было какого-то одного, главного «агента» — кроме Хаджетлаше — чей провокационный план стоял бы за ней. Это «шведское дело» как таковое, несомненно, требует еще обширного и тонкого исследования⁸⁵. Однако сама постановка вопроса о том, на кого Хаджетлаше тогда «работал», кажется не вполне корректной. Скорее, он пытался побудить всех работать на себя самого и вряд ли был чьей-либо «марионеткой». Можно сказать, что его *литературные* фантазии, «кровавые» сюжеты мести и рока, образы восточной страстности и поэтизированной кавказской «дикости», с которых он начинал свою писательскую деятельность, теперь были воплощены им в *жизнь*, до конца реализованы на практике. То же, сколь податливы на его «идеи»

⁸³ О пристрастии Магомета к этому слову сообщает С. Беккер. Оно, как хорошо известно, было тогда в ходу (вспомним «великого комбинатора» у Ильфа и Петрова). Ср.: *Fitzpatrick Sh. Tear off the Masks!*

⁸⁴ Деньги были нужны Хаджетлаше и на личные нужды. Ему надо было как-то проехать во Францию к семье. Одновременно он как будто собирался вывезти из бедствующей России свою любовницу Веру с ребенком (их обмен письмами см. в: Riksarkivet. Statens Polisbyrå, 1919, F 1A:14; о дальнейшей судьбе этой женщины мне ничего не известно). Нельзя исключить, впрочем, что тогда хватило бы уже имевшихся у него денег.

⁸⁵ Замечательное исследование С. Лундберга (*Lundberg S. Ryssligan*) посвящено главным образом одному из аспектов проблемы: стереотипам восприятия русских в Швеции того времени.

оказывались многие облеченные полномочиями лица из разных стран и политических лагерей, свидетельствует, пожалуй, лишь об общем хаосе, разрушении привычных границ, способов определять индивидуальную «принадлежность», «лояльность» (и одновременном резком заострении их важности), о смещении критериев допустимого в это время на исходе мировой войны, пронизанное насилием и *ожиданием* врага.

Впрочем, французский посланник в Стокгольме, Луи Делаво, распознал в Хаджетлаше, как и в его спутнике, его «мнимом секретаре» Михаиле Этингере⁸⁶, авантюристов. И еще до стокгольмского скандала отказал им во французской визе⁸⁷, которая позволила бы Магомет-Беку вернуться к семье в предместье Парижа, Вильмомбль (они поселились там в собственном доме еще в 1909 г.). Не откажи он им в этом, несмотря на заинтересованность в Хаджетлаше кого-то из французского МИДа, убийств, совершенных «Русской лигой» в Швеции, вероятно, и не случилось бы. Хаджетлаше умер в стокгольмской тюрьме Лангхольмен в 1929 г., возможно, не выдержав очередного отказа в пересмотре пожизненного приговора⁸⁸.

* * *

В так представленной истории жизни нашего персонажа остается два вопроса, требующих специального подтверждения. Это, во-первых, отождествление Юрия Кази-Бека Ахметукова и Магомет-Бека Хаджетлаше. Во-вторых, это вопрос о его этноконфессиональном происхождении.

Подтвердить высказывавшуюся ранее гипотезу о превращении Ю. Кази-Бека в М.-Б. Хаджетлаше удалось Р. Х. Хашхожевой⁸⁹. Она, однако, практически не привела ссылок на найден-

⁸⁶ Михаил Этингер — фигура, мало уступающая Григорию в авантюризме, как и в умении менять имена. Но это — отдельная история.

⁸⁷ MAE. Ser. Z. URSS. 1181. Passeports III. Juin (1919) à Décembre 1921. L. 19. Это ответ Делаво от 28.06.1919 на запрос кого-то из французских высоких чиновников; значит, отказал он им еще раньше. Из той же телеграммы видно, что Хаджетлаше было отказано и в пропуске в русскую сторону через Финляндию. Легально он оказывался «запертым» в Стокгольме.

⁸⁸ Первоначально Хаджетлаше был приговорен к смертной казни (и это был последний смертный приговор в истории Швеции), замененной затем пожизненным заключением.

⁸⁹ Она ушла из жизни в 2009 г. Кази-Бек Ахметуков был если не главным, то одним из наиболее интересовавших ее персонажей среди

ные ею источники (все свелось к одной — на спецхран Кабардино-Балкарского НИИ истории, филологии и экономики; как оказалось, это были сделанные ею выписки, в основном из фондов центральных российских архивов⁹⁰). Важным фактором в ее работе было стремление преодолеть влияние труда Л. И. Климовича, обнаружившего, после статей Воровского о «Лиге», дела Хаджетлаше на мусульманском поприще и показывавшего на этом примере, «что за типы делали погоду в религиозной жизни мусульман царской России»⁹¹. Р. Х. Хашхожева, по контрасту, превратила свой персонаж не только в национального писателя, но, пожалуй, и в национального героя (откуда растут и многие теперешние трактовки этого образа). Читая источники, она, безусловно, предпочитала верить ему (еще и «достраивая» его высказывания) и не верить его оппонентам⁹².

адыгских «писателей-просветителей», которыми она всю жизнь занималась. Помимо ее основной работы о нем, сделанной, фактически, еще в советские годы (Кази-Бек Ахметуков: Жизнь и творчество), см. обновленный вариант, дополненный за счет последовавших затем ее статей (в основном полемических), но мало измененный как в информативном, так и концептуальном отношении: *Хашхожева Р. Х.* Кази-Бек Ахметуков (Магомед-Бек Хаджетлаше): очерк жизни и деятельности // Кази-Бек Ахметуков (Магомед-Бек Хаджетлаше). Избранное. Нальчик: Ин-т гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН, 2008. С. 5–75. До Хашхожевой ту же гипотезу о тождестве Кази-Бека и Хаджетлаше, не развивая ее, высказал в печати З. Я. Хапсироков (*Хапсироков З. Я.* О художественных истоках творчества Юрия Кази-Бека Ахметукова // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы: Общественные науки. Ростов/Д., 1979. № 3. С. 71–75. С. 72).

⁹⁰ Моя критика выводов и методов Р. Х. Хашхожевой не умаляет моей признательности ей за согласие показать мне эти выписки (большая часть которых осталась без указаний номеров соответствующих дел и фондов) и за совместные обсуждения разных сюжетов, состоявшиеся в Нальчике летом 2002 г. «Глухую» ссылку в ее труде она объясняла тем, что во время ее исследований в 1960-х — начале 1980-х гг. эти материалы хранились в закрытых фондах. Это, однако, не целиком соответствует действительности. Ее нежелание сделать известным всё отчасти можно связать с тогдашней идеологической и историографической ситуацией (но лишь отчасти).

⁹¹ *Климович Л. И.* Ислам в Царской России. С. 233–267, цит.: С. 242–243.

⁹² С тем же безусловным доверием читал письма Хаджетлаше и М. Вагаев, единственный из упомянутых выше авторов интернет-обсуж-

В итоге Хашхожева, на мой взгляд, сильно преувеличила проблему идентификации. Сравнение документов, полученных Особым отделом ДП и В. Бурцевым, цитированных выше⁹³, показывает с достаточной очевидностью, что Григорий Эт(т)ингер (он же, что не вызывает сомнений, Юрий Кази-Бек Ахметуков) и Магомет Айшин (он же Магомет-Бек Хаджетлаше-Скагуаше) не только следуют одним и тем же географическим маршрутом и имеют одинаковый почерк (во всех смыслах слова), но распространяют сходные письма и листовки от лица некой «гор-

дений (см. примеч. 13), видевший первичные источники, однако только те, что присутствуют в личном архиве Хаджетлаше в ВДИС. Желая восстановить справедливость «в отношении этого патриота и безусловно великого черкеса», М. Ваचाгаев решительно выступил против его очернителей, какими он счел Р. Х. Хашхожеву и О. Бессмертную. Он считал оскорбительным и то, что, используя «только ей известные документы», Хашхожева видела в Хаджетлаше агента большевиков, и то, что он у нее «с момента рождения выполнял роль подставного человека, так как по ее версии он был не кто иной, как Кази-Бек Ахметуков». Бессмертная же сравнила Хаджетлаше с Остапом Бендером (я впервые использовала это сравнение в статье *Русская культура в свете...*; однако подробнее см. *Мусульманский Азеф*). К сожалению, критик не знал ни истории вопроса, ни других архивных материалов и публикаций, ни других исследований, ни даже смысла использованного мною сравнения (он был знаком лишь с резюме одного из моих докладов, обнаружившимся в интернете). Даже в рамках материалов частного архива Хаджетлаше (переданного в ВДИС, не в последнюю очередь благодаря моим усилиям, Селией де Баррос — наследницей дочери Хаджетлаше Лейлы) внимательное сопоставление разных данных позволило бы усомниться в правомерности того их прямолинейного прочтения, которое предложил М. Ваचाгаев. При таком прочтении, как я отмечала вначале, речь идет о защите национального прошлого, работе памяти, а не рационально проводимом исследовании. Но именно поэтому это прочтение и оказывается публично востребованным. Среди критических академических работ о Хаджетлаше отмечу: *Ямаева Л. А.* «Мусульманский Азеф» или миф о российском панисламизме в свете архивных материалов // Археография Южного Урала: Исторические источники и современные методы. Уфа, 2001. С. 192–201; *Арапов Д. Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М., 2004. С. 11–12, 231 и др.; см. то же в: *Арапов Д., Котюкова Т.* Архивные материалы Министерства внутренних дел Российской империи о мусульманском движении начала XX века // Вестник Института Кеннана в России. М., 2004. Вып. 6. С. 69–70.

⁹³ ГАРФ, ф. 102, ДП. ОО. 1907. Д. 297 и ГАРФ. ф. 5802. О. 2. Д. 456.

ской партии» (хотя названия ее постоянно варьируются), подписанные одним и тем же именем, *Магомет*. Поэтому письмо, прямо отождествляющее Магомета Айшина с Юрием Кази-Бекком Ахметуковым, от еще одного его бывшего соратника (знавшего его в пору, когда он «называл себя Юрием»), а затем разоблачителя, адресованное Бурцеву (цитированное Хашхожевой, как всегда, без ссылок),⁹⁴ не должно нас удивлять.

До сих пор, обсуждая происхождение Ю. Кази-Бека—М. Айшина—М.-Б. Хаджетлаше—Г. Эттингера, мне приходилось ограничиваться указанием на две известные версии: обе они происходят из полицейских источников 1901 года, связанных с той перехваченной перепиской, которую Кази-Бек вел после освобождения из Бобруйского дисциплинарного батальона⁹⁵. Весьма краткая информация пришла тогда из Одессы, где Эттингеры какое-то время жили. Согласно ей, «этот Эттингер действительно родом Кабардинец, бывший мусульманин по фамилии Кази-Бек, в детстве окрещенный и усыновленный Эттингером и избравший литературным псевдонимом свою магометанскую фамилию». Другая и гораздо более подробная информация поступила в Особый отдел из Минска, где были собраны сведения о предыдущей деятельности Кази-Бека, видимо, в большой своей части основанные на данных суда над ним в 1899 г. Согласно ей, он — родной сын Эттингеров. Я отдавала (и отдаю) предпочтение минской версии не только в силу конкретности и достаточной согласованности собранных в ней деталей. Даже по дошедшим до нас отголоскам, тогдашнее следствие не выглядит безусловно предвзятым (чего так склонен

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 5802. О. 2. Д. 456. Л. 23–23а. Письмо написано по-украински неким М. Филипенко. Хашхожева (см. ее *Кази-Бек Ахметуков: жизнь и творчество*. С. 28), не замечая разницы в инициалах, отождествляет его с соратником Г. Эттингера в пору его деятельности на Украине Гавриилом Леонтьевичем Филипенко. Интересно, что второй фигурой в «Корреспондентском бюро» в Париже, наряду с «Александром Ториным» (это «легальное имя» С. Беккера, которое устроил ему Хаджетлаше через русское консульство: см. ГАРФ. Ф. 5802. О. 2. Д. 456. Л. 16), был человек, названный Максимом Филенко (товарищ Беккера?). См. «Мусульманин», № 1, 1908, в: ГАРФ. Ф. 102, ДП. ОО. 1913. О. 14. Д. 194. Л. 30–50.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 102, ДП. ОО. 1901. Д. 235. Л. 16–16об., 26–29. Аутентичное свидетельство о его рождении, видимо, не сохранилось.

ждать наш современник и соотечественник)⁹⁶. Минские сведения подтверждаются некоторыми дополнительными обстоятельствами. По законам того времени, евреям можно было усыновлять только евреев же (не случайно в одесской справке слова «окрещенный» и «усыновленный» стоят рядом; это предполагает, разумеется, что и сами Эттингеры крестились). Однако Минск указал точный год крещения семьи, 1886, — это значительно позднее, чем «детство» Кази-Бека, когда Эттингеры, по одесской версии, должны были его усыновить (ведь в 1886 г. ему было уже 16–17 лет). Наконец, в 1907 г. госпожа Е. Я. Пранг, урожденная Эттингер, жалуясь на то, что стала жертвой уже известных нам шантажных (и откровенно антисемитских) писем Г. Я. Эттингера, писала из Петербурга одесскому градоначальнику: «этот субъект <...> к сожалению моему горькому — мой *родной* брат...»⁹⁷ (курсив мой. — О. Б.; могло ли в этой ситуации слово «родной» относиться к приемному брату?). Познакомившись уже с некоторыми из способов, какими наш герой представлял себя окружающим, можно не удивляться тому, что легенда о его *усыновлении* еврейской семьей (то есть об отсутствии кровного родства между ними), распространилась в хорошо знакомой ему Одессе⁹⁸.

В марте 2014 г. я нашла, наконец, архивное дело, которое, как мне представляется, снимает остававшиеся на этот счет вопросы, — то самое следственное дело (увы, лишь его последний том из трех), которое легло в основу судебного процесса 1899 года, а за ним — и минской справки. В конце 1898–1899 гг. судебный следователь 1-го участка г. С.-Петербурга И. Чернявский уже провел большую часть той же работы, что делала теперь я, пытаясь установить истинное происхождение Кази-Бека в борьбе со своим весьма стойким персонажем-подследственным; руководствуясь в конечном счете все же иными целями, этот следователь имел зато куда более широкий «доступ» к первоисточ-

⁹⁶ Ср. тщательность, с которой прокурор Округного Санкт-Петербургского суда стремился выяснить истинное происхождение Кази-Бека; примечательно и то, что первоначальные обвинения были смягчены в приговоре (ГАРФ. Ф. 102, ДП. 3 д-во. 1898. Д. 15. Л. 259–261об.).

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 102, ДП. ОО. 1907. Д. 297. Л. 21–21а.

⁹⁸ Как мы видели, подозрения о его еврейском происхождении следуют за ним повсюду (разве что кроме Швеции) — но это не может служить доказательством.

никам⁹⁹. Он опросил чуть ли не всех участников событий, на которых ссылался Кази-Бек в подтверждение своего знатного черкесского происхождения (и даже своего рождения в Турции), включая и тех общественных и политических деятелей из разных городов Османской империи, которые должны были, по словам Кази-Бека, знать его самого и его отца в указанном им качестве, — но они узнавали на фотографиях лишь встречавшегося с ними для беседы корреспондента русских газет. Следовательно привлек и документы о крещении Григория (Герш-Берка) и его брата Михаила (Моисея) Этингеров в 1886 г. в Одессе; призвал экспертов, сличавших почерка Кази-Бека и Григория; допрашивал свидетелей, знавших Григория, когда он еще не был Кази-Бекком, офицеров и рядовых пехотного полка, куда Г. Этингер был призван для армейской службы в 1891 г. и откуда бежал (напомню, он отправил к ним Кази-Бека по этапу для опознания), как и тех людей, что вольно или невольно помогали Кази-Беку в превращении его авто-легенды в жизнь (выдавали ему ложные справки или публиковали соответствующие биографии). Подследственный же все отрицал, ссылаясь на клевету его врагов, предвзятость и халатность следователя, и в итоге, загнанный в тупик, придумал легенду, переворачивавшую ситуацию: о том, как он, настоящий Кази-Бек Ахметуков, выдал себя за погибшего от несчастного случая Григория Этингера, намереваясь отслужить за него в армии (якобы Кази-Бек был участником того инцидента, отчего мучился чувством вины).

Это предварительное следствие интернационального масштаба не смогло, как ни парадоксально, представить Г. Этингера к суду по обвинению в использовании подложных документов: истек срок давности. Дело из ведомства прокурора Санкт-Петербургского Округного суда было передано на рассмотрение прокурора Санкт-Петербургского Военно-Округного

⁹⁹ ЦГИА. Ф. 487. О. 2. Д. 82. Сопоставляя эту, детективную часть моего исследования с работой следователя, я имею в виду ту совокупность способов работы историка, которую К. Гинзбург назвал «уликовой парадигмой» (от слова «улика»): *Гинзбург К.* Приметы: уликовая парадигма и ее корни // *Гинзбург К.* Мифы—эмблемы—приметы. М., 2004. С. 189–241; см. также: *Ginzburg C.* Checking the Evidence: The Judge and the Historian // *Critical Inquiry*, 1991. Vol. 18, No. 1. P. 79–92; *Ginzburg C., Shugaar A.* The Judge and the Historian: Marginal Notes on a Late-Twentieth-Century Miscarriage of Justice. L. & N.Y., 2002.

Суда, оттуда — в 198-й Александро-Невский резервный пехотный полк, чей полковой суд и вынес приговор, в котором сокрытие имени играло, как мы уже знаем, важную роль, и с которым Кази-Бек так и не согласился¹⁰⁰. Однако все вместе побуждает меня полагать, что рожден он был все-таки под фамилией Эт(т)ингер.

Однако какое это имеет значение? Думается, существенное — в том отношении, что это важное, хотя и не единственное обстоятельство в выборе им путей, какими он изобретал, создавал свою черкесскую, а затем и мусульманскую идентичность. Обращусь к началу этого странствия.

* * *

Согласно тем же сведениям из Минска, подтверждаемым теперь рядом других, Герш-Бер¹⁰¹ Эттингер (или Этингер) родился в Тифлисе в 1870 г. (или 1869 г.; сам он указывал также 1868 и 1872 гг. — похоже, в зависимости от ситуации, а не только в силу забывчивости или частой неточности дат такого рода в то время). В 1886 г. семья Эттингеров перебралась в другой многоликий, многоэтничный и многоконфессиональный город, Одессу, где они приписались к обществу мещан и в том же году крестились¹⁰². В 1892 г. семья переехала в Петербург (благополучие их, очевидно, росло, в течение нескольких разных лет они числились купцами¹⁰³). Однако Григорий (таким было его имя по крещению) уже спустя два года после крещения, в 1888 г., оставил семью. Он присоединился к экспедиции другого яркого вряля, самозванца и авантюриста старшего поколения, «атамана» Николая Ашинова¹⁰⁴. С ней он прошел мо-

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 14323. Оп. 1. Д. 601. Л. 299–299об.

¹⁰¹ Так в следственном деле; в минской справке — уменьшительное, Герш-Берк.

¹⁰² Они приписались сначала к еврейскому мещанскому обществу Одессы, а затем перешли в христианское (ЦГИА. Ф. 487. О. 2. Д. 82. Л. 2).

¹⁰³ См. запись на отца семейства, Якова Григорьевича Эттингера: Весь Петербург на 1908 год. СПб., 1907. Первый известный мне год причисления Я. Г. Эт(т)ингера с семьей (в это время уже не включавшей Григория) к сословию купцов 2-й гильдии г. Гдова — 1895 г. (ЦГИА. Ф. 883. О. 1. Д. 256. Л. 64). До 1897 г. они жили в Царском селе, затем — на Васильевском острове.

¹⁰⁴ Об Ашинове и его экспедициях см. особенно: Луночкин А. В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волго-

рем от Одессы через Константинополь и Порт-Саид до Сомали. По их несчастном возвращении в Россию — а в действительности, еще во время экспедиции, где северокавказские участники, а именно осетины, занимали привилегированное положение при Ашинове¹⁰⁵, — он заявил, «что он уроженец Константинополя Григорий Семенов Ахметов, происходящий из дворян-черкесов, православного вероисповедания». При этом создавалось впечатление, что он присоединился к экспедиции в Константинополе, где Ашинов дополнительно набирал участников. Однако это не так: он вошел в ее состав еще в Одессе, но, похоже, поначалу под совсем другим именем — Григорий Теренко¹⁰⁶. По решению властей и согласно его собственному желанию, он в качестве турецко-подданного Ахметова был поселен в станице Ардонской¹⁰⁷ Терской области на попечении Савкудза Дзеранова (одного из главных помощников Ашинова, уроженца Ардонской, осетина и православного)¹⁰⁸. Тогда еще представляя себя православным, Григорий сообщал, что крещен он был восьми лет от роду, в 1879 г. (сын турецкого бея Ахмета, он до крещения звался Ахмет-Мамет-Бей¹⁰⁹), а крестил его не кто

град: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2000. Я признательна А. В. Луночкину за помощь в моих поисках. Эта экспедиция закончилась международным скандалом (Франция предъявила претензии, поскольку Ашинов занял ее территории в районе колонии Обок) и судом над возвращенными в Севастополь членами экспедиции, выносившим, однако, достаточно мягкие приговоры.

¹⁰⁵ См.: Луночкин А. В. «Атаман вольных казаков». См. также: ГАРФ. Ф. 102. ДП. 3 д-во. 1894. Д. 598. Т. 1. Л. 247–269об. (это рассказ — среди многих других — одного из участников экспедиции).

¹⁰⁶ Так показал Эмануил Цейль, отвечавший в экспедиции Ашинова за набор участников. См.: ГАРФ. Ф. 102, ДП. 3 Д-во. 1898. Д. 15. Л. 259. Другой участник свидетельствовал, что нашего героя (известного ему уже как Георгий Ахметов) в Одессе «почему-то» скрывали от чиновника, проверявшего списки отпльывавших: ГАРФ. ДП. 3 Д-во. 1894. Д. 598. Т. 1. Л. 249об. В ходе следствия 1898–1899 гг. Кази-Бек причислил Цейля к своим клеветникам.

¹⁰⁷ Ныне Ардон, Северная Осетия.

¹⁰⁸ ГАРФ, ДП, 3 д-во. Д. 598. Т. 1. Л. 108 и сл.

¹⁰⁹ Такие имена приведены в минской справке. В следственном деле 1899 г. сложнее: Кази-Бек сообщал, что он «сын черкеса, турецкого подданного Князя Дошхуко Ахметукова Ахмет Ахмет Бей Ибен Булат Бей ибен Измаил Бей Ахметова» (см., например: ЦГИА. Ф. 487. О. 2. Д. 82. Л. 18).

иной, как «Начальник Ново-открытой Православной Миссии в Абиссинии, Архимандрит Паисий», о чем он имел метрическое свидетельство, которое «впоследствии оказалось подложным»¹¹⁰ (Паисий, еще один «странный» персонаж в экспедиции Ашинова, обеспечивавший ей облик православной миссии в единоверную Абиссинию, в 1879 г. был схимонахом русского Пантелеймоновского монастыря на Афоне и управлял его Константинопольским подворьем)¹¹¹. Спустя несколько лет после водворения в Ардонской (а также после уже известного нам поступления в армию в 1891 г. под именем Григория Эттингера, бегства из нее и возвращения на Северный Кавказ под именем Георгия Ахметова), в 1893 г., наш «турецко-подданный» получит разрешение на вступление в русское подданство¹¹² и будет приведен к присяге по обряду православной церкви (хотя какое-то время будет использовать, по-прежнему, статус иностранца, турецко-подданного), за чем выхлопывает себе семь заграничных паспортов: по ним «он проживал за границей, преимущественно в Турции», «при чем в прошениях его, а соответственно и в паспортах, фамилия <...> „Ахметов“, путем постепенных прибавлений, была превращена в Кази-Бек-Ахметукова, Ахмет-Бей-Булат-Ахметова»¹¹³. Эту «игру в имена» он продолжит, как мы уже можем видеть, до самых зрелых лет жизни.

* * *

Так — видимо, еще в экспедиции — родились первые элементы его («авто)биографии»¹¹⁴, получившие затем существенное раз-

¹¹⁰ ГАРФ. ДП.ОО. 1901. Д. 235. Л. 28. Изготовление подложных документов стало привычным для нашего героя делом (вспомним и причины проверки типографии, где издавался «Мусульманин»). Это приходится иметь в виду при работе с его личными архивными документами.

¹¹¹ О. Паисия, который попал в Турцию, бежав с пути в Сибирь, куда его сослали за принадлежность к скопцам, см.: *Луночкин А. В.* «Атаман вольных казаков». С. 65. Там же — о роли Победоносцева в поддержке Ашиновской экспедиции в целом и Паисия в частности. Показания Паисия по делу Г. Эттингера (он отрицал, что когда-либо крестил Ахметова и выдавал ему какие-либо справки, кроме справки о том, что тот участвовал в экспедиции Ашинова) см. в: ЦГИА. Ф. 487. О. 2. Д. 82. Л. 38–39.

¹¹² РГИА. Ф. 1284. О. 246. Д. 153а. Л. 20; Д. 19. Л. 59; Д. 2488. Л. 12, 26, 78–79.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 102, ДП. ОО. 1901. Д. 235. Л. 29.

¹¹⁴ В основе всех таких повествований — рассказы нашего персонажа о себе (автобиографии); однако в ряде случаев они предстают как рассказ третьего лица и формально выглядят как биографии.

витие. Оно началось вместе с рождением Ю. Кази-Бека—Ахметукова как писателя и лежало в том же русле «массового ориентализма», что и его страстная литературная проза. Согласно биографии Кази-Бека, опубликованной в «Живописном обозрении» в 1894 г.¹¹⁵, его настоящее имя — Ахмет-Бей-Булат. Он родился в Турции, в Буюк-Дере под Константинополем¹¹⁶, был потомком «известного кавказского героя Ахмет-Бей-Булата, воспетого еще Лермонтовым»¹¹⁷, и младшим сыном абадзехского князя Ахмет-Ахмет-Бея¹¹⁸, переселившегося из Кубанской области в Турцию в 1863 г.¹¹⁹ «с тридцатью тысячами своего народа». «Когда-то враждебный России», отец стал «начальником таборов баши-бузуков, составленных большей частью из черкесов», и погиб «в битве с русскими под Ловчей» (1877 г.) в последней русско-турецкой войне (вообще, он «наносил немало вреда русским войскам» вместе с сыном Шамиля Магомой¹²⁰). Одновременно герой потерял мать, которая, узнав о гибели му-

¹¹⁵ Живописное обозрение. (СПб.) 1894. № 34. С. 134. Как показал тогдашний редактор-издатель журнала, С. Е. Добродеев, «как биографию, так и свою фотографическую карточку Ахмет Бей Булат предоставил [ему] лично», т. е. написал ее сам: ЦГИА. Ф. 487. О. 2. Д. 82. Л. 9.

¹¹⁶ Широко известное место на берегу Босфора, нередко описывавшееся в рассказах путешественников в «тонких журналах»; там располагались летние резиденции ряда дипломатических представительств, в т. ч. российского. Другую его часть населяли греки, армяне и др.

¹¹⁷ Речь идет о поэме Лермонтова «Хаджи-Абрек» (1835). Прототипом его героя был действительно реальный исторический персонаж, Бей-Булат Таймазов, погибший от кровной мести, широко известный на Кавказе и упомянутый Пушкиным в «Путешествии в Арзрум». Именно такое литературное родство нашего героя легло в основу отчества Ахметукова — Ахмедович, — приведенного в Адыгской энциклопедии (2006, С. 891).

¹¹⁸ Наш герой остается в пределах варьирования имен Ахмет и Мамет (т. е. Магомет), являющихся по сути одним и тем же именем, как применительно к себе, так и к своему отцу.

¹¹⁹ Дата указывает на канун конца Кавказской войны, когда огромное число адыгов было вынуждено эмигрировать в Османскую империю. См. особенно: *Jersild A. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917.* Montreal, Ithaca: McGill-Queen's UP, 2002.

¹²⁰ Магома — старший сын Шамиля, Кази (Гази) Магомет, командовавший на стороне Турции кавказским добровольческим отрядом в русско-турецкой войне 1877–78 гг.

жа, в отчаянии зарезалась, зарезав и его красавицу-сестру, собственную дочь. Он остался жить со своим учителем, жестоким муллой (от которого и узнал истинные черкесские предания, ставшие источником его творчества), пока родственники не забрали его назад, на Кавказ. Отмечу, что в этом рассказе мотивы возвеличивания отца — его мощь, высокое положение, широкое признание, связи со знаменитыми великими героями прошлого Кавказа — сочетаются с мотивом его трагической вины (заключенной в его эмиграции и враждебности русским), которую теперь призван искупить его сын, вернувшийся на свою малую родину, Кавказ, и лояльный родине большой, России.

Эта история легла в основу и последующих (авто)биографий нашего героя, хотя отдельные ее элементы и степень романтизации рассказа менялись в зависимости от ситуации. Одновременно с его собственным именем изменились, разумеется, имена его родителей; и место его рождения, вероятно, перемещалось. Так, чиновники ДДДИИ в июне 1911 г. могли думать, что Хаджетлаше — исконный подданный России: им было сообщено, что он «принадлежит к роду черкесов Хаджетлаше, владевшему в прошлом столетии крупной недвижимою собственностью в Баталпашинском отделе, Кубанской области, недалеко от Майкопа», и что он «получил среднее образование в Екатеринодарской гимназии»¹²¹ (тогда как Кази-Бек учился «везде и всюду понемножку»¹²²). Это в целом предполагало более тесные связи нашего героя со всем русским; помимо того, такое изменение в истории его жизни могло служить ответом на одну из мотивировок правительственного отказа разрешить Кази-Беку

¹²¹ РГИА. Ф. 821. О. 133. Д. 449. Л. 28. См. также: *Хайрутдинов Р.* «Мир ислама»: из истории создания журнала // Мир ислама. (Казань). 1999. № 1. С. 3–20; здесь: С. 8. Ссылка на номер дела в РГИА, приводимая в этой статье, ошибочна. ДДДИИ пытался проверить эти сведения, но, видимо, безрезультатно.

¹²² «И в Египте, в английской школе, и в Болгарии (в Македонии) в гимназии, и в Турции, и на Кавказе» — Живописное обозрение. № 34. 1894. С. 134. Чиновникам же в 1891 г. (в связи с призывом в армию) он заявлял, что закончил Тифлисскую гимназию, но было выяснено, что это не так: по сведениям командира его роты, он учился только в уездном училище: ЦГИА. Ф. 487. О. 2. Д. 82. Л. 102.

в 1898 г. издавать «Кавказ и народы Востока»: отсутствие образовательного ценза и жизнь за границей, в Константинополе¹²³.

Однако мотив эмиграции его отца в Турцию — пока по-прежнему несший коннотацию трагической вины, искупаемой сыном, — сохранялся и здесь: «отец его, ныне покойный, бежал в Турцию пред последнею турецкою компаниею и принял турецкое подданство, в каковом состоял одно время и Магомет-Бек-Хаджетлаше, принятый затем в наше подданство». Что-то произошло в жизни Кази-Бека — Хаджетлаше, остающееся нам неизвестным (какая-то встреча, чьи-то рассказы, какие-то отношения, впечатления от общения с черкесами-мухаджирами в Турции или с северо-кавказцами, оставшимися на родине), что сделало для него этот мотив трагического переселения горцев в Турцию одним из постоянных что в личном, что в общественном планах. Со временем постоянным стало и его неприятие Турции в целом (С. Беккер предполагал, например, что М. Айшин не миновал турецкой тюрьмы; замечу, что для нашего героя вообще было характерно превращать очень конкретные, «земные», часто злые личные впечатления в основания самых широких, обобщающих идей). Собственно, и «лицо» «Мусульманина» уже с первых его номеров 1908 г. в большой степени определялось неприятием этой эмиграции, статьями о бедственном положении черкесов в Турции¹²⁴. Отсюда, возможно, и идея о преимуществах жизни в «могущественной России» для «народов Кавказа», а затем — «мусульман» (занявших место первых в его риторике): по контрасту с Турцией.

В период же «шведского дела», во время следствия и в своей защитной речи на суде, Хаджетлаше вновь рассказывал о себе как родившемся определенно в Турции, но служившем России. Сложности отношений между черкесами и Россией были, вместе с тем, существенно заострены: отца *изгоняют* из России; Хаджетлаше, по его возвращении мальчиком с родственниками на Кавказ, *насилъно* отправляют в кадетскую школу в Екатеринодаре, а затем — в юнкерскую в Ставрополе (он ведь представлял себя тогда как казачий полковник; требовалось дока-

¹²³ РГИА. Ф. 776. О. 8. Д. 1146. Л. 7.

¹²⁴ Хаджетлаше и на практике ходатайствовал в ДДДИИ о разрешении остаться в России двум переселенческим семьям, самовольно вернувшимся домой из Турции. См.: РГИА. Ф. 821. О. 8. Д. 1203.

зять его присутствие на фронтах войны — где он, судя по всему, не был, — а потому он подчеркивал военный характер своего образования). Существенно возрос ранг его отца в турецкой армии, его богатство, влияние и мощь. И, вместе с тем, подробно описывалась жестокость отца (и нежность и красота матери): указывая на типично «восточные» обстоятельства воспитания Магомет-Бека, это должно было оправдать природными черкесскими, унаследованными чертами его собственную жестокость, страстность и ярость, представления о неотвратимости мести, проявленные им в совершенных убийствах¹²⁵. Шведским судьям и публике, однако, такое оправдание преступления «природным устройством» личности преступника — и тем более с акцентом на *восточности* этой природы — не показалось убедительным, наоборот, это лишь усугубило отторжение ими Хаджетлаше.

Когда же, переживая обвинительный приговор и тюремное заключение, Хаджетлаше совершенно разочаруется в «буржуазной Европе», он отправит во Францию своим детям «Завещание». Здесь, изображая мусульманскую генеалогическую цепочку, он станет возводить свои корни к индийскому сподвижнику пророка Мухаммада, чьи потомки пришли на Кавказ¹²⁶.

Сколь ни парадоксально, та «базовая» история жизни нашего героя, что была опубликована в «Живописном обозрении» в 1894 г., стала основой и той биографии Кази-Бека Ахметукова — Хаджетлаше, которая превратилась в «академическую», принятую среди части кавказских литературоведов вслед за трудами Р. Х. Хашхожевой; исследовательница, впрочем, рационализировала ее (убрав, например, мотив самоубийства матери и подобную радикальную романтику), соединила с одесским сообщением об исконном кабардинском происхождении Кази-Бека и его усыновлении Эттингерами, как и с минскими сведениями о его деятельности, а также с некоторыми «автобиографическими» сюжетами его собственных беллетристических расска-

¹²⁵ См., в частности: Riksarkivet. Justitiervisionen. 1929. Juli 29. Vol. I. N. 676. L. 1301–1317.

¹²⁶ BDIC, F delta rés 914 (1). Основываясь на этой автобиографии, не замечая литературных образцов и конъюнктурных обстоятельств, ее породивших, принимая ее за истинную, делает выводы о происхождении Хаджетлаше М. Вачагаев (Цит. Соч.).

зов. В таком виде его биография и закрепилась¹²⁷. Впрочем, представить себе, что Кази-Бек не был «природным» черкесом, кажется действительно трудным — столь убедителен он в своем черкесском облике.

Между тем, речь идет, конечно, о способах и этапах конструирования этим человеком своей идентичности, своего «я», отразившихся как в «сиюминутной» смене деталей его рассказов о себе, призванной соответствовать этапам жизни, что его собственной, что страны и мира, так и в базовом сюжете его автобиографии (отнюдь не воспринимавшейся читателем лишь как *рассказ*, но как *действительность*). Процесс такого конструирования, думается, на самом деле и лежит в основе широкого интереса к фигуре Хаджетлаше.

* * *

Атмосфера динамичных, многоликих городов, Тифлиса и Одессы, где герой провел детство; крещение как смена идентичности и имени (возможно, слишком легкая и/или шокирующая); предположительно — конфликт с семьей, повлекший уход из нее; экзотическая экспедиция Ашинова и влияние на Григория Эттингера как самого Ашинова, так и наделенных властью осетин (лишь более «влиятельных» от того, что они стояли при власти, данной им Ашиновым, «самостийной», временной и в замкнутом пространстве) — все это, вместе со многими другими обстоятельствами, о которых мы можем лишь догадываться, очевидно, способствовало, с одной стороны, тому, чтобы будущий Кази-Бек — Хаджетлаше сумел увидеть свое генетическое происхождение с дистанции, как нечто, что можно «разработать» (или, точнее, «переработать»); с другой — его «открытие» Востока (сама география путешествия стоила многого), и Кавказа в особенности. Так возникает этот индивидуальный слу-

¹²⁷ См., например: Агержаноква С. Р. Художественное осмысление жизни адыгов в творчестве адыгских просветителей конца XIX — начала XX вв. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2003. Ранее и совсем в другой научной традиции В. М. Бокова (см. ее *Кази-Бек*) также соединила минские сведения с одесской версией адыгского происхождения Кази-Бека, якобы усыновленного тифлисским мещанином. Минская и одесская информация не совместимы, хотя бы в силу разницы во времени крещения семьи Эттингеров, которая должна вытекать из той и другой справки (напомню, что одесская никаких дат не сообщает).

чай «само-ориентализации»¹²⁸ (или, точнее, *само-ре-ориентализации*), сознательного выбора и принятия романтизированной «восточной», и именно черкесской, а в конечном счете, и мусульманской идентичности — вместо «постыдной» идентичности еврея, хотя бы и крещеного (такой эта идентичность, несомненно, виделась ему — и тут, тоже, в соответствии с наиболее распространенными, наиболее массовыми и, по сути, тоже ориенталистскими, стереотипами¹²⁹).

Характерно при этом, что он выбрал себе отнюдь не главенствующую в России этническую принадлежность — «русский». Зато не слишком быстрый отказ от главенствующей конфессиональной принадлежности — православия — свидетельствует, что поиски в этом направлении, т. е. присоединения к «большинству», им все же велись (нельзя исключить, впрочем, и иное: что поначалу он существенного значения конфессии, в отличие от этничности, не придавал). Но и выбор в пользу мусульманства отнюдь не был для него присоединением к угнетенным меньшинствам, выбором позиции подчинения власти, как не был он и выбором идентичности *чисто* экзотической. «Кавказские горцы» и (в этой связке) «мусульмане» — эти определения означали уже, для него и многих людей из разных сред

¹²⁸ См. о разных процессах такой «обратной» направленности относительно «классического» ориентализма ряд работ А. Эткинды, особенно: *Etkind A. Orientalism Reversed: Russian Literature in the Times of Empires // Modern Intellectual History. 2007. Vol. 4 (3). P. 617–628*; *Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: НЛО, 2013. Попытку разграничить, например, такие понятия, как самоориентализация и внутренний ориентализм см. в: Уффельманн Д. Подводные камни внутренней (де)-колонизации России // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: НЛО, 2012.*

¹²⁹ Ориенталистскими в том, по меньшей мере, смысле, что эти стереотипы предполагали культурное дистанцирование еврея от большинства, превращение его в низко стоящего в ценностной иерархии Другого (*othering*). По сравнению с мусульманами, это была существенно иная форма ориентализации; их сопоставление — предмет отдельного исследования. Я благодарна Харриет Мюрава (Harriet Murav) за консультации по этому вопросу. О восприятии еврейской идентичности в это время, и еврейского крещения в частности, см. особенно: *Avrutin E. M. Jews and the Imperial State. Identification Politics in Tsarist Russia. Ithaca, N.Y.: Cornell UP, 2010.*

в его окружении (включая имперский центр), принадлежность к России, хотя и к России *иной*; это были «свои иные». Манипулирование такой амбивалентностью (как мы видели, особенно выпуклое на мусульманском поприще, под именем Хаджетлаше), претензия на сохранение собственной отличности, *инакости*, культурной дистанции от имперского центра и власти, но и громко заявленный «патриотизм» в отношениях с ними, вообще балансирование «на границе», на грани «своего» и «иного» (и «чужого») — это манипулирование как раз и составляло его основную стратегию достижения авторитетности, славы, личной власти и денег во всех сферах его общения. Это и определяло его *нужду* в обмане¹³⁰.

Кем же был Хаджетлаше или, точнее, стал Г. Эттингер? Отвлекаясь здесь от многих других выбранных им идентичностей («русский литератор», «революционер», «казачий полковник», «бизнесмен» — всё современные, модерные лица вместо «купеческого сына»), останавливаюсь лишь на тех двух, этнической и конфессиональной, которые, судя по всему, требовали от его поведения наибольшей *убедительности*, т. е. были для него наиболее острыми, «трудоемкими», всегда лежавшими на грани «разоблачения». Более того, сведу к минимуму и отдельное осуждение его поисков этничности. Он стал, как я уже отмечала, весьма убедительным «черкесом»¹³¹ — за счет воспроизведения тех черт «национального характера», в которые верили наиболее широкие круги и интеллигентных «черкесов», и внешних наблюдателей (в большой степени, благодаря русской литературе). Однако вряд ли это можно счесть случаем *превращения* в адыга, добровольной *ассимиляцией* (характерно, что он, кажется, так и не выбрал себе конкретной адыгской ветви, к которой ему стоило принадлежать): если это и превращение, то такое, в котором широко понятую этничность («черкесскость») нельзя оторвать от литераторства и нациестроительства. В этих-то процессах нациестроительства, литературных и политических,

¹³⁰ Мой персонаж вряд ли «укладывается» в ставший уже привычным образ «колониального субъекта» в русле, предложенном Х. Бабой («гибридного», имитирующего колонизатора и потому же субверсивного): *Bhabha H. The Location of Culture. L.: Routledge, 1994.*

¹³¹ Черкесы в то время — общее название горцев Кавказа, особенно за его пределами; в узком значении этноним «черкес» стал употребляться в 1920-е гг.

он принял достаточно активное участие. Вместе с тем в субъективном плане характер этого превращения отмечен еще рядом существенных обстоятельств, в не меньшей степени проявившихся в его превращении в мусульманина.

Но стал ли он мусульманином? Ответ и на этот вопрос вряд ли однозначен. Речь здесь может идти, по-прежнему, лишь об *идентичности*, отнюдь не вере, но о причислении себя к мусульманам как некоей социальной общности, «народу» (каким они и виделись, например, в «Мусульманине»), или некоей воображаемой *мусульманской культуре*¹³². Черпая свои представления об исламе из плохо прочитанных (остававшихся иной раз на три четверти неразрезанными¹³³) исламоведческих трудов и популярной литературы, из не лучше прочитанных отдельных авторитетных исламских текстов (он не всегда верно цитировал Коран)¹³⁴, еще более — из повседневного общения с мусульманами в разных районах страны и за ее пределами, ориентируясь, особенно до начала 1910-х гг., преимущественно на радикально и реформистски, проджадидски настроенных мусульманских общественных деятелей и вынося из этого общения прежде всего радикализм, — он вместе с тем не мог не оказаться под влиянием и общего религиозного скепсиса и богоискательства, характерных для русского fin-de-siècle, отражавшихся, в частности, все в тех же тонких журналах, где он начинал свою литературную деятельность. Это вело, как кажется, к некоторому уравниванию в его глазах авторитетности разных религиозных движений (ср., например, его увлеченность бабизмом, за что его упрекал «Вакыт», да и попросту интерес к иным

¹³² О мусульманах как «народе» в «Мусульманине» см.: Бессмертная О. Русская культура; о неоднозначной ценности и последствиях представлений о мусульманстве как особой культуре и культурной принадлежности в связи с изучаемым случаем и в общем контексте см.: Бессмертная О. Мусульманский Азеф; Она же. Почему примордиальна российская культура? Один из аспектов «памяти понятия» // Неприкосновенный запас. 85 (5/2012). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2807> (дата обращения: 26.11.2014).

¹³³ Об этом свидетельствуют книги, сохранявшиеся в его домашней библиотеке до передачи его архива в BDIC.

¹³⁴ Ср. рецензию на его попытку написать религиозоведческий мусульманский труд: Шмидт А. Э. [рец. на]: Шрутель-Ислам // Мир ислама (СПб). 1912. С. 118–123.

религиям, отразившийся в «Мусульманине») и вылилось, в частности, в приверженность к теософии Р. Штейнера¹³⁵. Все вместе никак не мешало, однако, его утверждению своей принадлежности к мусульманству.

Но и при таком ракурсе — принадлежности к мусульманству как «народу» и культуре — ответ не однозначен. Замечу: наш персонаж, вероятнее всего, не вел речь о том, что в какой-то момент *принял* ислам (и тем более о том, что в какой-то момент предпочел быть черкесом, а не крещеным евреем) — предполагалось, видимо, что он и черкес, и мусульманин *по рождению* (ведь культурная принадлежность и виделась как определенная происхождением). Так что, с одной стороны, Кази-Бек — Айшин — Хаджетлаше — явный самозванец, чье настоящее имя Эттингер. С другой — выбрав себе, пусть не сразу, мусульманскую принадлежность, он более от нее не отступал — по крайней мере как от своей *публичной* идентичности. И продолжал процесс ее изобретения (т. е. определения и присвоения «мусульманских качеств») и ее *подтверждения* в каждом эпизоде своего общения с другими — кем бы они ни были. А другие — за исключением моментов специального расследования и разоблачения — мусульманином его и считали.

Помнил ли Кази-Бек—Хаджетлаше об истинном своем происхождении — пусть не в моменты артистического взлета, но хотя бы на периферии сознания? Иными словами, лгал ли он или лишь «ошибался», позабыв о том, что исконное происхождение отверг? Это вряд ли можно узнать досконально. Однако нередко заметно, что он это помнил, например, когда заявлял: «Я не еврей, не поляк и не армянин, чтобы за деньги продавать свою родину»¹³⁶. Это лишь усиливало (как видно и из самой

¹³⁵ Супруги Хаджетлаше поддерживали знакомство с деятелями русского теософского движения, Н. К. Гернет и А. А. Каменской (редактором «Вестника теософии»), что отразилось и в публикациях: см. статью Айши «Теософия и мусульманки: из бесед с единоверками» («Вестник теософии». 1912. № 12. С. 1–6). Интерес к учению Р. Штейнера унаследовали (в частности из переписки с отцом в годы его шведского заключения) их дочери, особенно старшая, Лейла, посвятившая ему ряд трудов и многие сферы своей практической деятельности.

¹³⁶ Письмо Хаджетлаше Н. А. Маклакову (министру внутренних дел) от 02.04.1914; фраза произнесена в связи с жалобой на директора ДП В. А. Брюн де Сент-Ипполита, полагавшего, что Хаджетлаше в истории

этой фразы) его упорство в отказе от своих «корней», утверждении и подчеркивании своей изобретенной принадлежности. Отсюда же и отмеченный выше его *стиль чересчур*, видимо, аналогичный стилистике всякого неофитства. Исходя из этой заявленной культурной принадлежности строилась вся его стратегия, самое использование его «мусульманскости» и «черкесскости» как инакости по отношению к власти, как *символического капитала*, самый *торг* ими. Конечно, и среди исконных черкесов и мусульман встречались такие, кто изобретательно использовал свою этническую и конфессиональную принадлежность (точнее, представления имперского «большинства» о чертах такой принадлежности) в отношениях с властью, чтобы власть обдурить. Однако *торг* Хаджетлаше — это крайний случай, где эта принадлежность изобретается наиболее осознанно — и наиболее приспособленной к торгу, — как раз потому, что автор помнит о лежащем в истоках обмане, а значит, и продолжает обманывать.

Психолог, возможно, сказал бы, что речь здесь идет о множественных идентичностях (одна из которых, еврейство, очевидно, негативная и/или подавленная). Историк культуры более интересно, как кажется, иное. Это сам *зазор* между двумя полярными утверждениями, каждое из которых, в некотором смысле, правдиво: «Хаджетлаше — обманщик и самозванец» и «Хаджетлаше был черкесом и мусульманином». Именно в этом пространстве «зазора» между обманом и изобретением (конструированием), при *переходе* от одного к другому, можно видеть, например, что требовалось, чтобы создать убедительный для других облик черкеса и мусульманина, и, более того, сколь разнообразны были, уже в ту эпоху, источники возникновения и конструирования северокавказской и мусульманской идентичности, как и самые способы ее понимания. Убедительность обоих этих обликов Хаджетлаше, черкесского и мусульманского, для других черкесов и мусульман (с которыми он общался и переписывался, которые писали в «Мусульманин» или читали его) свидетельствует, между прочим, что такие источники — и в частности представления об этих обликах, созданные массовым ориентализмом, — были значимы и в коллективных пред-

ставлениях о самих себе у этих других, «обычных» черкесов и мусульман; она свидетельствует тем самым и об их собственной само-ориентализации. Речь идет, иными словами, об отражении в рассмотренной истории представлений о черкесах и мусульманах и ожиданий, к ним предъявляемых, что вовне, что внутри их собственной среды, о тесных переплетениях таких ожиданий.

Образ такого «зазора» позволяет одновременно увидеть в Кази-Беке — Хаджетлаше то, чем он действительно был: *трикстера* (стоит помнить, однако, что это — исследовательская категория, не фигура реальности¹³⁷). Иными словами — персонаж, который путем обмана и всякого рода «переодеваний» и трюков, путем *перформанса*, пересекает воображаемые границы, делящие современное ему общество (например, границы между государством и мусульманами или государством и «революционерами»), при том что сам существует лишь на такой границе и ни к чему *постоянно* не принадлежит.

Замечу: «трикстеризм» стал рассматриваться в одном из крайних ответвлений постколониальных исследований как стратегия сопротивления, направленная на «деколонизацию сознания»¹³⁸.

¹³⁷ Я подчеркиваю это, в частности, потому, что в повествовании, включая и исследовательский нарратив, трикстер с его характерной авантюристкой и перевоплощениями — персонаж если не привлекательный, то захватывающий, и во всяком случае амбивалентный; амбивалентность во многом и создает исследовательский интерес к нему. Между тем, «в жизни» такие фигуры могут выступать попросту как негодяи (об одном из способов соединить два этих плана в исследовательской практике, см.: *Бессмертная О.* Как рассказать). Трикстеры — и как литературные, и как исторические персонажи — привлекают все большее внимание исследователей. Назову лишь: *Davis N. Z. Trickster Travels; Fitzpatrick Sh. Tear off the Masks! Lipovetsky M. Charms of The Cynical Reason: The Trickster's Transformations in Soviet and Post-Soviet Culture.* Brighton, MA: Academic Studies Press, 2011.

¹³⁸ У нас это ответвление, названное деколониальным, стремится популяризировать М. В. Глостанова (см., в частности: *Глостанова М. В.* Деколониальные гендерные эпистемологии. М.: ООО «ИПЦ „Маска“», 2009). Без специальных пояснений она утверждает, что «вторичность» колонизации Россией своих колоний, таких как Кавказ и Средняя Азия («вторичность», поскольку Россия — сама колонизированная Западом страна), стимулирует «колониальный трикстеризм» в этих регионах. Исходной посылкой этого направления служит уверенность в существовании неких чистых, аутентичных культур и в том, что народы должны восстановить свою самобытность, освободив свое сознание

При всей внешней соблазнительности применения подобной трактовки к фигуре Эттингера—Кази-Бека—Хаджетлаше, она не кажется мне продуктивной: слишком многие факторы, как я старалась показать, слились в выборе им стратегии, чтобы свести ее к «сопротивлению» колониальной власти, да и направлена эта стратегия была на куда более прагматичные цели, чем «деколонизация», — и, как кажется, менее всего на эту последнюю. «Сопротивление» лишь воспроизвело бы трактовку, которую Г. Эттингер сам бы к себе с удовольствием применил, и существенно упростило бы ситуацию (не говоря уже о предлагаемой при этом идеализации персонажа, по существу разрушительного¹³⁹).

Зато рассмотрение ситуации в терминах *трикстерства* как раз и позволяет вернуться к вопросу о том, что же *общезначимо* в конкретном случае Хаджетлаше (и как обнаружить это, избегая его превращения в «образец»). Мы увидели, что в плане «субъективном» (при взгляде на общезначимое со стороны героя) наиболее показательным предстает скрещение разнородных «ориенталистских» перспектив и многообразие путей конструирования и использования его черкесской/мусульманской идентичности в «зазоре» между обманом и изобретением. Но трикстерство позволяет взглянуть и много дальше, за пределы его индивидуальных стратегий — в плане «объективном» (со стороны окружающих). Это то, как реагируют на «пересечение границы» нашим героем люди, стоящие по разные стороны этой границы: то, почему они *верят* этому Кази-Беку—Хаджетлаше и допускают его *к себе*, принимают по *сю* сторону; иными словами, то, почему его обман оказывается успешным и что ведет, наоборот, к его разоблачению. Такой ракурс позволил бы судить о том, как разные участники событий выстраивают сами эти границы, т. е. о том, чем определяется в каждом случае «наше» пространство («наше мусульманское», «горское», «революци-

от его культурной колонизации Западом. Отсюда и этический нигилизм: на пути к деколонизации все средства хороши, и «трикстеризм» в частности.

¹³⁹ Впрочем, приверженцы «деколониальных» и близких им концепций как раз и видят достоинство в разрушительности. Об ограниченности теории сопротивления см., например: *Werth P. W. From Resistance to Subversion: Imperial Power, Indigenous Opposition, and Their Entanglement // Kritika. 2000. 1(1). P. 21–43.*

онное» или «наше административное», «государственное») и что оказывается несовместимым с ним, побуждая изгонять из него самозванца. Это включает и переплетения взаимных ожиданий, которых я касалась выше. В конечном же счете рассмотрение реакций на обман и «вторжение извне» позволит говорить о самом *режиме истинности*, доминирующем в той или иной среде, о том, во что и как было принято верить, и во что — нет. Однако специальное обращение к этому ракурсу — предмет отдельного исследования¹⁴⁰.

Сокращения

AN	Archives nationales de France (Paris).
BDIC	Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (Nanterre), Fonds Mahomet-Beck Hadjetlaché. Cotes F delta rés 914 et GF delta rés 124.
HI	The Hoover Institution Archives, Stanford University (Palo Alto, Ca).
MAE	Ministère des Affaires étrangères, Archives (Paris).
Riksarkivet	Riksarkivet (Marieberg), Stockholm.
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации (М.).
ГУпДП	Главное управление по делам печати МВД.
ДДДИИ	Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД
ДП	Департамент полиции МВД.
ИРЛИ	Институт русской литературы и искусства (СПб.)
НАРТ	Национальный архив республики Татарстан (Казань)
ОО	Особый отдел Департамента полиции МВД
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив (М.)
РГИА	Российский государственный исторический архив (СПб.)
ЦГИА	Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

¹⁴⁰ Этот ракурс выбран мною в: *Мусульманский Азеф* и *Un agent-provocateur musulman*.

Part 2: History and Theory of Culture

O. Bessmertnaya

Who was M.-B. Hadjetlaché after All, or the Need for Deceit

Based on various archival and published primary sources, the paper reconstructs, in counterpoint to the common interpretations and some academic ones permeated with political and emotional conflicts of collective memory, a biography of M.-B. Hadjetlaché (a.k.a. Y. Kazi-Bek Akhmetukov, a.k.a. G. Ettinger, etc.; ca. 1868–1929) — a Circassian writer, Muslim journalist, Russian adventurer and political double-dealer; new evidence of his Jewish origin is offered; his strategies of constructing his identity are analyzed. The main question is, to which extent and how the notion of deceit is applicable here: on the one hand, the actor builds up his image and life in vivid accordance with his self-narratives; on the other, those narratives contradict external sources, his actions, and intimations of his own awareness of his deceit. Shifting the perspective of who M.-B. Hadjetlaché was to what G. Ettinger had become, the author suggests analyzing his strategies on the swing between forgery and forging, deceit (imposture) and invention, and argues for the high investigative value of the notion of deceit in historical and cultural research. Taking Hadjetlaché as a trickster, uncovering, at each stage of his life, his manipulation of the invented identity on the border of “us” and “them,” used by him as a symbolic capital in his relationship with power — those ways of addressing deceit allow us both to examine the actor’s own need for deceit and go beyond the limits of the individual biography, revealing the vast cultural resources employed by himself and his environment as well, allowing the deceit to be implemented.

V. Glebkin

The Structure of Lexical Complex Philosophy in the Texts of the 18th-Century Russia

This article is concerned with the conceptual structure of the lexical complex *философия* in Russian culture of the 18th century, also briefly addressing the evolution of this structure in the 19th and 20th centuries. The author points to the radical difference be-

● Orientalia et Classica

Russian
State University
for the Humanities

● **Orientalia**
et **Classica**
**Papers of the Institute of Oriental
and Classical Studies**

Issue LXI

Ya evam veda...
Кто так знает...

In memoriam
Vladimir Nikolayevich
Romanov

Moscow
2016

Российский
государственный гуманитарный
университет

● **Orientalia**

et **Classica**

**Труды Института восточных культур
и античности**

Выпуск LXI

Ya evaṃ veda...

Кто так знает...

Памяти

Владимира Николаевича

Романова

Москва
2016

УДК 821.21'01:81'255.2
ББК 86.33
У 11

Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности
Выпуск LXI

Под редакцией И. С. Смирнова

Составители

Н. Ю. Чалисова (отв. ред.), Н. В. Александрова, М. А. Русанов

ISBN 978-5-7281-1777-3

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2016
© Институт восточных культур
и античности, 2016

Оглавление

Предисловие

<i>Н. В. Александрова, М. А. Русанов, Н. Ю. Чалисова</i>	5
<i>В. В. Глебкин. О научном пути В. Н. Романова</i>	11
<i>А. Н. Мещеряков. Владимир Николаевич Романов: человек на своём месте</i>	15

Раздел 1: Индология

<i>Н. В. Александрова, М. А. Русанов. Приметы рождения Бодхисаттвы в буддийской агиографии. «Поэтика перечней»</i>	25
<i>А. А. Вигасин. Цари и боги Древней Индии</i>	55
<i>А. М. Дубянский. Конь и колесница в тамильской лирике</i>	75
<i>Д. А. Комиссаров. Встреча Сиддхартхи Гаутамы с царем Бимбисарой: история текстов</i>	97
<i>Н. А. Корнеева. Брахманы намбудури: некоторые особенности традиции передачи ведийских текстов</i>	115

Раздел 2: История и теория культуры

<i>О. Ю. Бессмертная. Кем же был М.-Б. Хаджетлаше, или нужда в обмане</i>	135
<i>В. В. Глебкин. Структура лексического комплекса философия в текстах русской культуры XVIII в.</i>	191
<i>А. М. Ермакова. Гумилев и Садаякко: отражения и подражания</i>	211
<i>А. В. Журавский. Авраам в исламской традиции</i>	249
<i>С. В. Кулланда. Гордость и предубеждение (жизненный опыт и научный поиск)</i>	265
<i>А. Н. Мещеряков. Разгул стихий в столице: катастрофизм сознания и восприятие природных бедствий в Японии периода Хэйан</i>	283
<i>А. В. Смирнов. Эпистема классической арабо- мусульманской культуры</i>	299

Раздел 3: Переводы классических памятников

<i>А. Г. Лахути. Александр Великий в поэме 'Аттара 'Илахи-наме'</i>	327
---	-----

<i>Н. Н. Селезнев.</i> «Хотя и не обязательно для меня то, что приведено в Коране, я выведу из него доказательство»: Третья беседа Илии, митрополита Нисивина, и везира Абӯ-л-Қасима ал-Мағрибй	349
<i>Н. И. Пригарина, Н. Ю. Чалисова, М. А. Русанов.</i> «Мое сердце не принимает иного пути»: газель Хафиза о тщетных советах	365
<i>М. А. Алонцев, Л. Г. Лахути, Е. Л. Никитенко, Т. А. Счетчикова, Н. Ю. Чалисова.</i> Джунайд Багдади: «Павлин ученых» и «Султан приобщенных к истине»	381
Сведения об авторах	441
Abstracts of the papers	447

Contents

Foreword

<i>(N. Aleksandrova, M. Rusanov, N. Chalisova)</i>	5
V. V. <i>Glebkin</i> . Vladimir Romanov's scholarly path	11
A. N. <i>Meshcheryakov</i> . Vladimir Nikolayevich Romanov: the right man in the right place	15

Part 1: Indology

<i>N. Aleksandrova, M. Rusanov</i> . Omens of birth of the Bodhisattva in Buddhist hagiography: “the poetics of the catalogs”	25
A. <i>Vigasin</i> . The kings and the gods in Ancient India	55
A. <i>Dubyanskiy</i> . Horse and chariot in Tamil lyrics	75
D. <i>Komissarov</i> . Siddhartha Gautama meets king Bimbisara: a history of texts	97
N. <i>Korneeva</i> . The Nambudiri Brahmins: some peculiarities of Vedic texts transmission	115

Part 2: History and theory of culture

O. <i>Bessmertnaya</i> . Who was M.-B. Hadjetlaché after all, or the need for deceit	135
V. <i>Glebkin</i> . The structure of lexical complex <i>philosophy</i> in the texts of the 18th-century Russia	191
L. <i>Ermakova</i> . Gumilyov and Sadayakko: reflections and imitations	211
A. <i>Zhuravskiy</i> . Abraham in the Muslim tradition	249
S. <i>Kullanda</i> . Pride and prejudice (life experience and scholarly quest)	265
A. <i>Meshcheryakov</i> . Natural calamities in the capital: catastrophe in the mind and perception of natural disasters in Heian period	283
A. <i>Smirnov</i> . The episteme of the classical Arab-Islamic culture	299

Part 3: Translations

L. <i>Lahuti</i> . Alexander the Great in the <i>Ilahi-Nameh</i> by Farid ad-Din ‘Attar	327
--	-----

<i>N. Seleznyov</i> . “Though it is not obligatory for me what is stated in the Qur’ān, I will get proof from it”: the third conversation between Elias, Metropolitan of Nisibis, and wazir Abu ʿI-Qasim al-Maghribi	349
<i>N. Chalisova, N. Prigarina, M. Rusanov</i> . Hafiz’s ghazal on the futility of advice	365
<i>M. Alontsev, N. Chalisova, L. Lahuti, E. Nikitenko, T. Schetchikova</i> . Junaid Baghdadi: “The Peacock of the Learned” and “The Sultan of the Realized”	381
Notes on the contributors	441
Abstracts of the papers	447